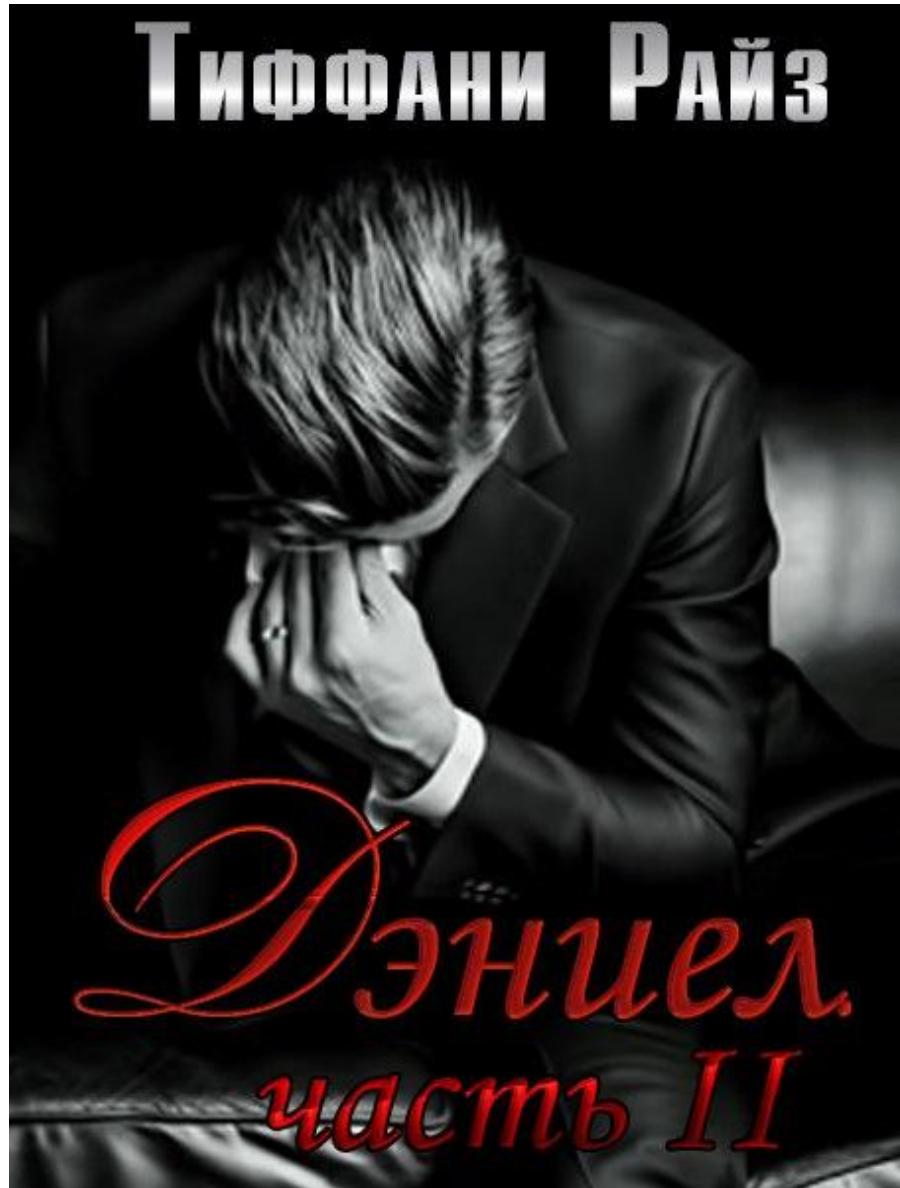

Тиффани Райз

«Дэниел. Часть II» (новелла)

Серия: Грешники

Автор: Тиффани Райз

Название на русском: Дэниел. Часть II

Серия: Грешники

(невышедшие новеллы)

Перевод: Романенко Александра

Сверка: helenaposad

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

*обложка предоставлена http://vk.com/shayla_black

Аннотация

Действие происходит приблизительно год спустя после событий новеллы "Подарок".

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Даже под угрозой смерти, он бы не вспомнил, почему, вернувшись в Америку, решил остановиться именно у этого дома.

Истощеный, в тысячедолларовых ботинках, на которых еще осталась засохшая грязь с Мачу-Пикчу, он выглядел весьма неуместно, стоя перед одним из самых роскошных особняков Манхэттена. Роскошных... нет, она бы использовала другое слово. Как же она его называла? После полутора лет многое стёрлось из памяти.

Шикарный. Она называла дом Кингсли "шикарным". И он до сих пор это помнит.

Вздохнув, он миновал кованые железные ворота и поднялся на крыльце. Позвонил и стал ждать. Дверь, вполне предсказуемо, открыла женщина удивительной красоты. Тёмно-рыжие волосы, глаза цвета янтаря и сочные алые губы... Нет. Он не станет поощрять подобные мысли. По крайней мере, в отношении этой девушки, слишком юной на вид, чтобы бывать в столь опасном доме.

- Чем могу быть полезна, monsieur? – спросила девушка, преграждая вход в дом своим стройным телом.

Девушка говорила со слишком знакомым акцентом. Французским и вместе с тем не французским. У него дёрнулась щека.

- Что-то смешное, monsieur?

Она сверкнула глазами.

Колючая штучка. Кингсли всегда любил темпераментных женщин. Говорил таких приятнее наказывать, когда они этого заслуживали.

- Вовсе нет, - ответил он. - Просто удивлён, как это monsieur выбрал в церберши уроженку Квебека, ведь, по его мнению, "истинные французы живут только в Париже".

- Ну, кто-то же должен стоять на страже и не пускать вас, англоязычных канадцев, в дом.

Вздёрнув подбородок, она смерила его хмурым взглядом.

Впечатляет. А он-то думал, что избавился от своего тягучего акцента. Казалось бы, двадцать лет в Штатах должны были полностью сгладить его характерный говор.

- Меня он бы не стал держать под дверью. Наш Король Преисподней дома?

- Может, да, а, может, и нет. Зависит от того, кто вы. Но видок у вас такой, что я бы сказала, non, хозяина нет дома.

Видок? Мисс Квебек, пожалуй, права. Из Южной Америки он вылетел прямиком в Нью-Йорк. Ещё вчера был в Перу. Сегодня - в Манхэттене. На нём выцветшие джинсы под стать потрепанным ботинкам, футболка цвета хаки с длинным рукавом и зацарапанные Рэй-Бэны - та же одежда, что и вчера. Добавьте сюда двухдневную щетину, облезлое от загара лицо, давно не стриженные светлые волосы и станет ясно,

что он совсем не похож на привычный типаж тех, который осмеливается стучать в эту дверь.

- Не могли бы вы проверить? S'il vous plait? - добавил он, надеясь, что просьба на французском не покажется церберше излишне саркастичной. Будет достаточно и простого сарказма.

- Так и быть, - театрально вздохнула девушка. - Что мне передать, если он дома? Кто его спрашивает?

- Скажите ему, это Дэниел.

Девушка выгнула бровь и, смерив его холодным взглядом, кивком показала на крыльце.

- Постойте-ка здесь... Дэниел.

Дверь захлопнулась прямо перед его носом, и Дэниел чуть не расхохотался. Надо же, всего день, как уехал, а уже скучает по Перу, и всё по вине рыжей квебекской вредины. А, вообще, в Южную Америку он поехал за женщиной... или, точнее, из-за женщины. Не просто же так она тогда отпускала шутки про Огненную землю. Но, как оказалось, ей просто нравилось само название. У него же было слишком много денег, слишком много свободного времени, слишком мало здравого смысла и отчаянное желание кое-что доказать ей... да и себе. Вот он и поехал в Огненную землю, на самый край света, а всё ради того, чтобы просто прислать оттуда девочонке грёбаную открытку.

Дверь открылась снова, и, прежде чем медленно и неохотно отступить в сторону, уроженка Квебека одарила его взглядом, полным такого отвращения, что Дэниел на миг позабыл: перед ним не настоящая француженка. Медленно и неохотно, церберша шагнула в сторону. Ступив за порог, Дэниел приостановился возле девушки, повернулся, и, сдвинув очки на лоб, смерил её суровым взглядом голубых глаз - тем самым взглядом, который его покойная жена в своё время прозвала «кой». Мэгги знала, если он так смотрел на нее, на следующий день ей будет трудно ходить... и не обязательно из-за порки.

Его раздражительная крошка-привратница ответила злобным взглядом, но Дэниел узнавал сабмиссивов по одному лишь виду. В доме Кингсли встречаются всего три типа людей: Доминанты, сабы и редкое промежуточное звено. А судя по этому короткому матросскому платьице, носочкам с кружевной каймой и высоченным чёрным шпилькам, девчонка явно не Доминатрикс. И, похоже, саба в ней сильнее воинственной уроженки Квебека: несколько секунд, и она потупилась. Дэниел шагнул вперёд. Девушка отступила. Её щёки вспыхнули, губы покраснели, но после того, как обошлась с ним у двери, рыжая вредина определённо заслуживала маленького наказания. Однако, не успел он скребезно пошутить по поводу Селин Дион, как с верхней площадки лестницы донёсся смех.

- Глазам не верю... наш Даниил наконец-то вернулся из львиного логова.

Повернувшись на голос, Дэниел ухмыльнулся. По ступенькам спускался высокий брюнет, чьи длинные волосы были собраны в низкий хвост, а костюм, словно сошёл с обложки любовного романа. Образ завершали дизайнерские сапоги для верховой езды и опасная улыбка. Приятно видеть, что хоть что-то в мире остаётся неизменным.

- Кингсли Эдж ссылается на Библию? - Дэниел огляделся по сторонам, будто ожидая, что сейчас в дом ударит молния. - Неужели ад замёрз, а мне никто не сказал?

Картинно пожав плечами, Кинг закатил глаза. В отличие от своей сварливой привратницы, он был настоящим французом, и его акцент, манеры и либидо вполне соответствовали представлениям об этой нации.

- Я не виноват. В последнее время вожусь с ужасной компанией. Один священник, наш общий знакомый, вознамерился спасти мою душу. Достало уже твердить, что у меня её нет.

Кингсли встретил его у подножия лестницы. Улыбка Дэниела поблекла.

- Надеюсь, его здесь нет?

Внимание Дэниела привлекло движение в музыкальном салоне. Он увидел несколько красивых женщин, увивающихся вокруг двух молодых людей, которым сегодня, несомненно, повезло. Ни намека на присутствие священника. И слава богу. Дэниел был пока не готов к разговору с ним.

- После обеда по воскресеньям, - сказал Кингсли и взмахом пригласил Дэниела следовать за ним наверх. - Он либо молится, либо напоминает своей маленькой зверушке вкус своего члена.

- Или и то, и другое, - добавила привратница из Квебека.

Кинг вздохнул и, повернувшись к девушке, что-то быстро проговорил по-французски. Она ответила на столь же беглом, но куда более эмоциональном французском. В конце концов, Кингсли поднял руку, щёлкнул пальцами и указал на дверь. Девушка в ответ присела в насмешливом реверансе, а затем умчалась прочь.

- Она из Квебека? Что это на тебя нашло? - спросил Дэниел.

- Часть моей императорской коллекции. Создаю новую французскую империю... по красотке за раз.

Кингсли начал подниматься по лестнице, и Дэниел последовал за ним.

- Впервые вижу, чтобы такой высокий человек страдал комплексом Наполеона, - заметил Дэниел.

- Я не хочу завоёывать мир, *mon ami*. Просто хочу его трахнуть.

- Поосторожней, - предупредил Дэниел, когда они дошли до третьего этажа. - Порой мир может ответить тем же.

- На то и рассчитываю, - ответил Кинг и начал насищивать "Марсельезу", национальный гимн Франции.

Этот свист всегда действовал Дэниелу на нервы. Кингсли любил напускать на себя беспечный вид, как никто другой. Но Дэниел то знал правду. Поэтому, когда тот завёл его в свой личный кабинет и, схватив за горло, прижал спиной к двери, он особо не удивился.

Дэниел сохранял спокойствие и не сопротивлялся. Вернувшись сюда, он пошёл на риск и, даже под страхом смерти, до сих пор не смог бы ответить, зачем.

Сначала оба молчали. Тёмные глаза Кингсли и голубые Дэниела буравили друг друга. Кинг был порочно красив, у его ног готовы ползать чуть ли не половина женщин Нью-Йорка, и даже несколько мужчин. Но за фасадом внешности плейбоя скрывался крайне опасный человек. Опасно умный... опасно преданный своему лучшему другу.

- Что ж, похоже, Элеонор тебе рассказала, - начал Дэниел.

- *Oui*. - Хватка на шее стала крепче. - И поблагодари, что она призналась мне, а не ему. Ты, ведь знаешь правила, *mon ami*. Можно одолживать друг у друга игрушки, гладить чужого питомца, но мы не крадем чужую собственность.

Дэниел сделал неглубокий вдох. При той силе, с которой Кингсли сжимал шею, о полноценном дыхании оставалось только мечтать.

- Я не крал Элеонор, а попросил остаться. Есть же разница.

- Ты жив. Так что, разница, очевидно, есть, - Кингсли разжал хватку и, отступив, плюхнулся в кресло, закинув ногу на подлокотник. - "Et vive la différence, *oui*?" (прим. фр. "Да здравствует разница, согласен?"). Зачастую употребляется юмористично, как одобрение различий, в особенности между полами)

Дэниел потёр горло и опустился в кресло напротив Кингсли.

- Да. *Vive la différence*.

Кингсли хохотнул низким, сардоническим смехом и, замолкнув, прищурился на Дэниела.

- Зачем ты пришел сюда, Дэниел?

- Я задаю себе тот же вопрос с тех пор, как сел самолёт, - покачал головой Дэниел. - Не знаю. Устал от странствий. Ещё не готов поехать домой. Плюс... захотелось тебя поблагодарить.

- Поблагодарить? *Pourquoi*?

Дэниел, наклонившись вперёд, зажал сложенные руки между коленей. Когда-то его руки были такими же гладкими, как у женщин. Когда-то он был библиотекарем, работником архива, и самое ужасное, что могло случиться с его руками - порез от бумаги. Теперь, спустя полтора года подъёмов в горы, экспедиций по дождовым лесам и археологических исследований, его руки стали другими.

- За похороны. Я бы в жизни себя не простил, если бы не попал на её похороны.

Кингсли кивнул.

- Порой полезно иметь хорошо укомплектованный медицинский кабинет.

Хорошо укомплектованный? Кто-то явно преуменьшает. На третью ночь совместного времяпровождения Дэниел сломался, наконец открыв Элеонор свою постыдную тайну, что три года прожил затворником, с тех самых пор, как Мэгги, его жена, умерла, оставив его одного.

Последний раз он выбирался за пределы дома ради похорон. И был тогда под лошадиной дозой транквилизаторов в человеческом эквиваленте.

Враньё. Какой там человеческий эквивалент... Кингсли дал ему настоящую лошадиную дозу. В нормальный день Дэниел после такого лечения провалялся бы в отключке неделю. Но тогда его ум просто отделился от тела, и то смогло продержаться на ногах два необходимых и кошмарных часа.

- Может, тебя чем-нибудь угостить? Из кухни? Или из шкафчика с лекарствами? - спросил Кинг.

- Нет, всё хорошо, - улыбнулся Дэниел. - Спасибо. Мне пора.

Но только он начал вставать, как дверь распахнулась и внутрь почти ввалились две смеющиеся женщины.

- Тесса! Ирина! - Кингсли сверкнул на обеих сердитым взглядом. - Сюда. Живо.

Он указал на пол, и женщины, изобразив притворное раскаяние, с глупыми улыбками пересекли персидский ковёр и уселись у ног Кинга. Дэниел лишь покачал головой при виде этого гарема.

- Дамы, что вы обе тут делаете? - начал Кингсли. - Или мне лучше не знать? Тесса, отвечай.

Он щёлкнул по носу полногрудую девушку с оливковой кожей.

- Аня сказала, что вы у себя и принимаете самого уродливого мужчину на свете. Мы должны были посмотреть лично.

- Какая же она врушка, - стрельнув глазами на Дэниела, сказала зеленоглазая брюнетка. - Да он красивей тебя, Кинг.

Кингсли ахнул и мелодраматично прижал руку к груди, изображая потрясение.

- Что за ересь, Ирина. - Он потянул брюнетку за ухо. - Красивее меня никого нет.

- Ты слишком красив, - продолжила девушка, сверкнув зелёными глазами на Дэниела.

Зелёные глаза, тёмные волосы... почти как у Элеонор. Дэниел не мог оторвать взгляд. Ирина говорила на хорошем, чистом английском с легчайшей примесью

русского акцента. Должно быть, она тоже была частью императорской коллекции Кингсли.

- Он выглядит суровым, мужественным. Мне нравятся его глаза. В них боль, - добавила она.

- Мужественным? - фыркнул Кинг. - Да я провёл четыре года во Французском Легионе. У меня пулевые ранения. А этот... - он ткнул в Дэниела, - библиотекарь.

- Архивариус, - поправил Дэниел.

Бывший. Он унаследовал огромную сумму денег от покойной жены и не работает уже много лет. И сейчас в свои тридцать восемь он чувствует себя неудовлетворённым, бесполезным. Жизнь праздного человека не по нему. Снова нужен какой-нибудь ориентир. Просто пока не ясно какой именно.

- Люблю умных мужчин, - почти промурлыкала Ирина.

Кингсли, картино выдохнув, щёлкнул пальцами. Обе женщины встали. Русская бросила на Дэниела ещё один томный взгляд.

- Я чрезвычайно умён. За мной водятся удивительные, ужасные идеи, - пресёк разглагольствования Кинг. - А теперь ступайте, а не то отшлёпаю вас обеих за подслушивание. И передайте Ане, пусть следит за своим поведением. Главный она там приз или нет, но, если надо, переброшу через колено.

- Да, сэр, - ответили обе женщины и поплелись к выходу.

- Ирина? - взмахом приказывая вернуться, окликнул Кингсли. Затем, обняв её за шею, что-то прошептал на ухо. Она кивнула, повернула голову и зашептала в ответ. Дэниел вздохнул. У Доминантов хватало уловок, но щёпот он не любил больше всего. Кто его знает, может, сейчас Кингсли говорил девчонке, чтобы та забрала его одежду из химчистки. Скорее всего, так оно и было. Но шепчась, Кингсли создал маленькое секретное общество, к которому принадлежат лишь он сам и Ирина. В мире Кингсли Домы так поступали всё время. Своеобразный взрыв мозга. В свою бытность Доминантом Дэниел обычно этот трюк не использовал, предпочитая переходить сразу к телу.

Ирина поцеловала Кингсли в щёку, ещё раз стрельнула глазами на Дэниела и ретировалась.

- Ну что, перекусим? - предложил Кингсли.

- Нет, спасибо, не голоден. - Во всяком случае до еды. В окружении всех этих красивых саб у Дэниела снова начали появляться давно подавляемые мысли. - Мне надо идти. Я знаю, ты занятой человек.

- Да... сам видишь, в каком я стрессе. - Кинг окинул взглядом свой шикарный кабинет, откинулся на спинку кресла и рассмеялся. - Надо бы сказать Ане, пусть тебя проводит. Она меня за это возненавидит.

- Аня — это твоя злючка-привратница?

- Oui. Дочка квебекских сепаратистов. Канадцев не выносит. Не принимай её ненависть на свой счёт. Наказал бы её за то, как грубо себя с тобой повела, но, к сожалению, у девчонки статус неприкосновенности.

- Неприкосновенность? Когда эта женщина имела для тебя статус неприкосновенности?

- Аукцион через месяц. Аня главный приз.

От удивления у Дэниела округлились глаза.

- Ты всё ещё проводишь тот аукцион? ФБР его не прикрыло?

Кингсли пренебрежительно взмахнул рукой.

- Pas du tout. ФБР желанный гость на моём аукционе. Всё же идёт на благотворительность, в конце концов (прим. Pas du tout. фр. ничуть).

Дэниел не мог не рассмеяться. Благотворительность... Что ж, формально Кинг и впрямь жертвовал изрядный кусок поступлений некой католической организации, сбиравшей средства для бедных. Однако пятнадцать процентов забирал себе. Аукцион Кингсли проводился каждый август, и о нём гудел весь город. С виду мероприятие казалось обычным, глупым сбором средств, устроенным богатыми и скучающими. Привлекательные люди выставляли себя на аукцион и отправлялись на свидание с тем, кто предложил наивысшую цену. Только эти люди были не обычными привлекательными серостями, а вышколенными сабмиссивами и Доминантами. Да и "свидания" не были свиданиями. Никаких обедов и походов в кино покупателю не полагалось. Человек, предложивший наивысшую цену получал секс... жёсткий, своеобразный секс с извращенцем или извращенкой своей мечты.

- Значит, твоя маленькая уроженка Квебека главный приз? Жаль мне того, кто её выиграет, - сказал Дэниел. - Она красивая, отдаю тебе должное. Но кто вытерпит такой характер?

- Ставить будут не на её характер, - вставая, ответил Кингсли. - Ставить будут на её девственность.

У Дэниела пропал дар речи.

- Ты бы тоже обозлился, если бы в двадцать два всё ещё оставался девственником. Когда мы в последний раз выставили девственницу на аукцион, ставки взлетели до шестизначных цифр. Выше, чем мы когда бы то ни было зарабатывали на одном человеке. - Кингли подмигнул, отворяя Дэниелу дверь. - Уверен, что ничего не хочешь? Чего-нибудь съесть? Выпить? Я чувствую себе таким негостеприимным хозяином, не накормил тебя даже *dejeuner*. (прим. фр. обед)

- Я в полном порядке. Кажется. - Мысли Дэниела до сих пор путались. Аня, темпераментная привратница, не просто девственница, она призовая девственница аукциона. Безумие.

- Тогда, может, что-то покрепче завтрака? - предложил Кингсли и вместо того, чтобы спуститься вниз, к выходу, свернул на второй этаж. Дэниел прищурился и пошёл следом. - Возможно, это именно то, что тебе надо перед уходом.

Кинг открыл дверь.

Заглянув внутрь, Дэниел увидел на кровати Ирину, красивую русскую брюнетку. Она стояла на коленях в чём мать родила, и молчала, как и полагается сабе. Длинные чёрные волосы струились по ее спине, словно вода. Весь день Дэниел пытался вспомнить, почему, вернувшись в Америку, из всех мест он пришёл именно к Кингсли.

Теперь вспомнил.

Глава 2

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИЯТНЫЙ ДЕНЬ

Дэниел глазел на девушку на кровати, а Кингсли стоял рядом и ухмылялся. Последние полтора года не отличались ни святостью, ни целомудрием. И хотя сердце хранило верность той, с кем Дэниел провёл всего одну незабываемую неделю, тело требовало чего-то большего, чем горько-сладкие воспоминания. В путешествиях по Южной Америке были любовницы, несколько, однако всё сводилось к обычному совокуплению. Дэниел никогда настолько не сближался с женщиной, не чувствовал себя настолько в безопасности, чтобы познакомить её с собой настоящим, поэтому,

хотя страстный и грубый секс удовлетворял его физические потребности, душа всё ещё жаждала много большего.

- Что-нибудь, о чём мне следует знать? - спросил он.

- Она вышколенная. Её стоп-слово «Сталин». Боль ей не нравится, но не бойся быть... - Кингсли на мгновение замолчал, опробовал пару французских слов, после чего, как видно, нашёл лучший английский эквивалент, - ...деспотичным.

- Деспотичным, - повторил Дэниел. При звуке этого слова в паху приятно напряглось.

- Что ж, наслаждайся завтраком. У меня уже был.

- А это тогда что? - Дэниел кивком показал в конец коридора, где у двери, ведущей в спальню хозяина дома ждал бледный красивый юноша по меньшей мере на десяток лет младше Кингсли.

- Десерт, bien sûr.

Кингсли с десертом исчез у себя в комнате, и Дэниел, оставленный наедине с Ириной, вошёл в спальню и закрыл дверь.

Целую минуту оностоял позади девушки, не давая ей увидеть своё лицо. Волосы у неё были чуть светлее, а тело чуть худее и выше, чем надо, но при желании Дэниел вполне мог представить, что его красивая саба - это...

Нет. Тотчас же пресёк он эти мысли. Он уже проходил это с Элеонор, когда впервые занимался с ней сексом. Закрыл глаза, представил, что снова с Мэгги. А теперь об этом сожалеет, сожалеет, что в тот первый раз упустил возможность быть вместе, и больше так не поступит ни с одной женщиной.

- Ирина, - произнес он ее имя.

- Да, сэр?

Лёгкий трепет предвкушения пронзил его тело и теплом разлился в паху.

- Ты знаешь, что девичья фамилия моей матери была Горски?

Ирина немного напряглась.

- Нет, сэр.

- Её родители были польскими иммигрантами. Покинули родину во время войны. Хочешь угадать почему?

- Из-за лучшего климата, сэр? - с дрожью в голосе спросила она.

Дэниел ухмыльнулся ей в затылок. Сделал шаг к кровати. И ещё один. Протянув руку, собрал в кулак её длинные тёмные волосы и отвёл от шеи.

- Её родители бежали от зверств русской армии. - Он приблизился к её уху. - Но ты не волнуйся. Я не держу на тебя зла... почти.

Ирина резко втянула воздух.

Наверное, повторно обдумывает свой выбор стоп-слова, то-то же.

Он медленно прошёлся пальцами вдоль её позвоночника, сначала вверх, потом вниз. Какая гладкая бледная кожа... ни отметинки, нетронутая.

- Обычно я на первом свидании женщин не бью. - Повернув её голову набок, он обнажил шею и нежно укусил туда, где под ухом стучал пульс.

- А это свидание... сэр?

Дэниел тихо рассмеялся ей в ухо.

Доверяй он себе, исполосовал бы её сверху донизу. Однако вот уже больше года он не играл в такие игры и теперь боится переступить черту, если даст себе волю. Может, позднее... но не сейчас.

Покрывая поцелуями изгиб её точеного плеча, Дэниел ладонью прошёлся от шеи по каждой из её полных грудей к животу. Найдя ее клитор, он почувствовал, как тот набух от касания его пальцев. В ответ на резкий вдох, он слегка прикусил ей ушко и отстранился, оставив ловить ртом воздух.

Дэниел окинул комнату взглядом. Тут играть ещё не доводилось, но это не проблема. Он уже знает, где что лежит. Возле кровати - огромной, разумеется, ведь дома у Кингсли огромное всё - чаша из хрустального стекла, полная разных презервативов. Под кроватью - три разных больших чемодана, каждый условленного цвета.

Он вытащил серебристый, в котором Кингсли хранит всё, что надо для бандажа. Дэниел не был женщиной уже полтора года, с той самой ночи с Элеонор, зато месяцами лазил по горным склонам. Верёвки, узлы... с этим он справится. Мгновение он смотрел на белый чемодан, тот, где игрушки для садо-мазо, но решил оставить его под кроватью. Кингсли сказал, Ирина не любит боль. Он подождёт и попрактикует своё заржавевшее умение пороть на ком-то более склонном кричать «ой». А впрочем, зачем беспокоиться? И вместо белого он вытащил чёрный чемодан.

В конце концов, Кингсли же сказал, ей нравятся деспоты.

Копаясь в серебряном чемодане, он не сказал ей ни слова. А так как Ирина сидела спиной, могла только слышать, но не видеть. Ладно, возможно ему все же нравится покопать на мозги, - подавил самодовольную ухмылку Дэниел.

Из чемодана появилась чёрная шёлковая верёвка, наручники и распорка для ног. Наручники и распорку он бросил на кровать... они понадобятся, но чуть позже.

Не спрашивая разрешения, он толкнул Ирину на живот и, обмотав ей верёвкой руки и ноги, он оставил между ними свободный конец длиной всего в шесть дюймов. Подумывал связать так, чтобы спина изогнулась в дугу, но решил пожалеть позвоночник девушки. С Элеонор же подобных проблем не возникало; её тело было не просто миниатюрным, а как нельзя лучше соответствовало его желаниям... в ту самую, так хорошо соответствовавшую его желаниям ночь, которая стала одной из лучших в его жизни.

Связав Ирину, Дэниел отступил посмотреть на свою работу. Разве бывает что-то сексуальнее женщины, которая полностью отдалась в твои руки? Власть только малая часть эротического уравнения, доверие - наоборот.

Он снова провел по её телу, вниз по рукам, сквозь длинные волосы и даже, заставив поёжиться, по подошвам. Его член уже напрягся почти до боли и теперь упирался в молнию джинсов, нетерпеливо дожидаясь освобождения.

Дэниел надеялся, что они с Кингсли понимают под деспотом одно и то же.

И двумя быстрыми движениями перевернул Ирину набок, так что её голова оказалась прямо на краю кровати. Левой рукой схватил девушку сзади за шею, правой - расстегнул штаны и слегка коснулся головкой члена её жаждущих губ.

Она взяла в рот, не нуждаясь в приказе. Без колебаний обхватила губами и всосала на всю длину. Дэниел так сильно сжал ей шею, что скорее всего оставил синяки. Ирина, похоже, не возражала.

Осторожными, волнообразными движениями бёдер он начал двигаться у неё в рту. Боже, было такое чувство, словно с тех пор, как его покинула Элеонор, он впервые занимается сексом. Со случайными партнёршами его тело действовало на автопилоте. Теперь же начал возвращаться к жизни настоящий Дэниел.

Даже в роли Доминанта он всегда старался быть джентльменом. Никогда не причинял боли, не отплатив удовольствием в равной мере. И теперь его руки соскользнули с шеи к груди Ирины, играя с сосками, сначала нежно, а затем, когда она сладострастно застонала, более грубо. От стонов у неё начала вибрировать задняя стенка глотки, и Дэниел глубоко вздохнул, пытаясь сдержаться и не кончить девушке прямо в рот.

Боже, он скучал по этому.

Он вышел из её рта. С натренированной непринуждённостью развязал узлы и освободил девушку.

- Ноги на пол, лицом на кровать. - Он щёлкнул пальцами и указал на место, где желает её видеть.

- Да, сэр.

Девушка повиновалась быстро, но без чрезмерной спешки. Он взял конец верёвки, оставил Ирину стоять у кровати, а сам перешёл на противоположную сторону. Присев, подбросил вверх край покрывала и обвязал раму кровати. С концом верёвки в руке поманил Ирину пальцем, молча приказывая ей нагнуться вперёд и протянуть руки. Затем связал ей запястья. Непроизвольно проверяя надёжность его узлов, она сильно натянула верёвку. Дэниел смотрел, как Ирина оценивает прочность пут... этим узлам он доверял свою жизнь на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, и уж, конечно, они могли удержать у кровати одну женщину. Да и шансов, что рама кровати сломается или погнётся, не было. Кровати в доме Кингсли могли выдержать даже съёмки «блицкрига»: порно, когда штук тридцать голых мужиков с криками «блицкриг» заваливают в комнату и под звуки тяжёлого рока набрасываются на женщин, после чего отправляются на поиски новых завоеваний, а их оттраханные в несколько смычков партнёрши в отключке остаются валяться в лужах собственной крови... Или сексуальную жизнь Кингсли, что тоже своего рода блицкриг.

Дэниел вернулся к Ирине, связал ей запястья вместе и привязал девушку к кровати. Но ему хотелось обездвижить её ещё больше.

Ирина и впрямь оказалась вышколенной и стояла совершенно спокойно, когда Дэниел прикоснулся к её подколенной впадине, давая знак согнуть ногу. Он последовательно застегнул на её лодыжках колодки и, закончив, отошёл на несколько шагов, чтобы полюбоваться своей русской пленницей. Теперьшая поза Ирины не позволяла ей ничего спрятать.

- Выгни спину, - приказал он. Сейчас, когда её ноги были разведены и спина выгнута, он, можно сказать, смотрел прямо ей внутрь. И слово «внутрь» звучало, как очень хорошая идея.

Встав непосредственно за Ириной, Дэниел ласково провёл по её спине, ягодицам, бёдрам. Он прикасался к девушке нежно, легко, пока она не застонала от разочарования.

И тогда с размаху сильно шлёпнул её по бедру.

Ирина издала весьма потрясённый и приятный вскрик боли. На её коже появился ярко красный отпечаток ладони.

Навалившись ей на спину, Дэниел зашептал на ухо:

- Это тебе за шутку про «климат».

Ирина не ответила. Этот удар она будет чувствовать даже завтра, не сможет ни шагу ступить без боли.

- Скажи, что тебе жаль и ты больше так не поступишь... сегодня.

- Извините, сэр.

- Хорошая девочка. - Дэниел снова встал и погладил горящий, красный след.

- Я не просто так выбрал бедро. Кожа на попе несколько толстовата, бедро болит больше.

- Я заметила... сэр.

Дэниел передвинул руку к её промежности, снова нашёл клитор и покатал в пальцах. Он чувствовал её жар на своей руке, и этот жар манил внутрь. Он толкнулся в нее одним пальцем, и тот сразу обволокло теплом.

- Кингсли сказал, тебе не нравится боль. Но ты такая мокрая, что мне в это не верится.

Когда он протолкнул внутрь второй палец, она судорожно вдохнула.

- Я была мокрой ещё до того, как вы меня ударили, сэр.

- Вот как? Почему же?

- Потому что, - начала было она, но, когда он ввел внутрь третий палец, осеклась и снова втянула воздух. Мышцы Ирины стиснули его руку, и к пауху прилила кровь. - Потому что, сэр... я хочу, чтобы вы меня трахнули.

Дэниел с улыбкой посмотрел на её беспомощное, лежащее ничком тело.

- Не ты первая этого хочешь. - Если на то пошло, он потерял счёт женщинам, которые говорили ему те же слова. - Но я ещё ни разу не слышал такого предложения с русским акцентом, так что я полон искушения удовлетворить твою просьбу.

- Пожалуйста, сэр, - взмолилась она, и эта нотка отчаяния в её голосе, этот голод пришлись ему по душе. Как же он соскучился по любительницам извращённых игр.

Дэниел вытащил из чаши у кровати презерватив, тут же натянул его, но помедлил, готовясь к проникновению в её тело. Затем, толкнувшись во влажную жару, стал медленно продвигаться дюйм за дюймом.

Взявшись за её бёдра, он начал толчки. Ирина схватилась за верёвки и застонала от удовольствия. Дэниел задышал глубоко и медленно, пытаясь сосредоточиться на изящных изгибах её спины, на том, как солнце придаёт её волосам почти красный оттенок: на чём угодно, кроме мучительного удовольствия находится внутри этой красивой сабы.

Тело Ирины сжалось вокруг него, приближаясь к оргазму, и Дэниел заставил себя выйти.

В конце концов, Кингсли что-то там говорил про «деспота».

Дэниел вытащил из чёрного чемодана секс-игрушками вибратор и один из тюбиков смазки.

- Какие-нибудь проблемы с аналом? - спросил он, намазывая её лубрикантом.

- Только то, что я нечасто им занимаюсь... сэр.

Деспот... хорошее, однако, слово.

В этот раз, осторожно проникнув в Ирину, застонал Дэниел. Однако он не стал совершать толчки. Пока было рано. Он взял с кровати вибратор, включил и ввёл в девушки.

Она ахнула и зарылась лицом в простыни. Ориентируясь на её прерывистые вздохи, Дэниел протолкнул его глубже.

- Можешь принять обоих? - спросил он, отводя упавшие ей на лицо волосы. Хоть он и любил сексуальные пытки, стань ей действительно больно, тотчас же бы прекратил.

- Да, - выдохнула она. - Пожалуйста.

На слове «пожалуйста» он поцеловал Ирину в щёку и ввёл вибратор до конца. Всё, долой сдержанность. Он вонзился сильно и глубоко и задвигался внутри неё длинными, отчаянными толчками. Она хватала ртом воздух при каждом ударе. Сквозь тонкую стенку, что отделяла его от вибратора, чувствовался гул. Дэниелу до слёз хотелось кончить, но он сдержался и, сильнее впившись пальцами в её кожу, продолжил толчки.

- Сэр? – единственное, что могла сказать Ирина.

- Кончай, - приказал он, и Ирина, всем телом сотрясаясь в спазмах, с хриплым вскриком достигла вершины. Она что-то простонала по-русски, и единственной, всё ещё функционирующей частичкой своего разума Дэниел сделал себе ментальную пометку позже глянуть, что означает это слово.

Он закрыл глаза, чувствуя приближение собственного оргазма. Он оттягивал его так долго, что когда тот пришёл, казалось, этому не будет конца.

Недовольное ворчание внизу привело Дэниела в себя. Он осторожно вынул вибратор из Ирины и вышел сам. Оставив её связанной тяжело дышать на кровати, он снял презерватив, развязал девушку и убрал распорку, не дававшую ей свести ноги.

С усталым, неприличным смешком Ирина поднялась с кровати и обняла его за шею.

- Спасибо вам, сэр.

Дэниел не засмеялся в ответ и не улыбнулся. Пробежавшись руками от её запястий до плеч, он смерил Ирину долгим, суровым взглядом своих голубых глаз - тем самым взглядом, который Мэгги называла «ой». А затем толкнул ее на спину и оседлал бёдра. Стачив с себя рубашку, он отшвырнул ту на пол, и пригвоздив девушку к матрасу своей тяжестью, взял в рот её сосок.

Дэниел любил побыть ненасытным деспотом.

После двух часов преподавания Ирине того, что Кингсли не единственный доминант в городе, который знает, как быть ненасытным деспотом, Дэниел, наконец, сдался и сполз с кровати. Он вымотался, словно после восхождения на Аконкагуя в Аргентине два месяца назад, и был точно так же полон энергии. (Прим. Аконкагуя - гора высотой 6962 м, высшая точка Американского континента)

- Тебе не обязательно это делать, ты же знаешь, - сказала Ирина, когда Дэниел натянул джинсы.

- Ты о чём?

- Об одежде, она тебя не украшает.

Ирина лежала на своей стороне кровати, наблюдая за ним тем же распутным взглядом, которым не так давно одарила в кабинете Кингсли. И Дэниел решил, вот оно, то чему ему так не хватало последнее время в обществе женщин. Ванильные женщины строили из себя недотрог и вели себя так, словно, дав понять, что он им желанен, признаются в чём-то вроде личного поражения. Ему так наскучил такой флирт, такое соблазнение. Женщину, способную попросить о том, чего хочет, он уважает куда больше... в особенности, если она хочет его самого. С Мэгги это никогда не было проблемой и, определённо, это не было проблемой с Элеонор. Как-то она прошептала ему на ухо такое, что он едва не покраснел.

- Как её зовут?

Дэниел напрягся, но не стал спешить с ответом, а нашёл свою рубашку и натянул через голову.

- Кого?

- Девушку в твоих глазах.

Вздохнув, Дэниел присел на край кровати. Ирина повыше устроилась на подушке, даже не удосужившись прикрыть простыней грудь. Бесстыдница. Изумительное качество в женщине.

- Что-то я не видел у себя в глазах никакой девушки.

Ирина подняла руку и пробежалась по его давно не стриженным волосам.

- Твоя бабушка была полькой, моя - цыганкой. Я гляжу в суть вещей. И я вижу девушку в твоих глазах. Как её зовут?

Ответить он на вопрос, и ни к чему хорошему это не приведёт. Однако Ирина отдавалась ему, ничего не тая. Было честно ответить ей той же открытостью.

- Элеонор.

Глаза Ирины расширились от удивления.

- Не может быть... его Элеонор?

Дэниел мрачно хохотнул. Его Элеонор.

- Так и есть. Знаешь её?

Ирина кивнула:

- Конечно, знаю. Кто же не знает Белую Королеву?

- Белая королева? Так вот как вы, сабмиссины, называете её за спиной?

Ирина пожала плечами:

- Или в лицо. Она от этого лишь смеётся. Она от всего смеётся. Хозяин заставляет её носить белый ошейник, да вы и сами знаете. Наподобие его воротничка. И она всегда ходит только в белом.

- Про белое я понимаю. Но она обычная саба, а не королева.

- А вы уверены, что мы говорим об одном и том же человеке? - улыбнувшись, спросила Ирина.

Дэниелу пришлось признать, что в её словах есть зерно истины. В своё время Элеонор стала для него откровением. Ещё никогда он не встречал такой женщины. Жену он любил с диким, собственническим чувством, от которого порой перехватывало дух. Но он знал Мэгги, как облупленную, лучше, чем себя самого. Элеонор же оказалась чем-то совершенно иным. После смерти жены он жил, словно в коме, и Элеонор его разбудила. Стала его блицкригом. Прикажи она ему пасть на колени и поклоняться, будто богине, он бы повиновался.

- Что ж, пожалуй, она выглядит гораздо более устрашающей, чем обычная саба.

- Эта девушка вовсе не саба, - высказывая из-под пристыней, сказала Ирина.

Дэниел от удивления вытаращился на Ирину. Она взяла со спинки стула свою одежду и начала одеваться.

- Что ты имеешь в виду?

- Есть сабмиссины... а есть люди, которые лишь ведут себя, как они. Элеонор из последних. Мне попадались садисты, куда менее устрашающие, чем она. Эта девушка либо доминант в отрицании, либо свитч.

Дэниел мысленно вернулся в ту единственную неделю с Элеонор. Он приказывал, и она подчинялась... а потом порой смеялась в лицо. Даже насмехалась, что по сравнению с ним, с её настоящим хозяином, Дэниел не страшнее крольчонка. В её глазах отражались гнев, желание, голод, веселье, но никогда страх. Ни разу. И ни разу он не видел, чтобы она хоть немного боялась.

- Не может быть. Ни один доминант в мире не способен сыграть сабмиссива так хорошо.

- Вот как? - спросила Ирина, затягивая на поясе ремнём свою чёрную блузу. - А что, по-твоему, я только что сделала?

Ирина обулась и выжидательно посмотрела на него. Дэниел не находил слов.

- Ты не можешь быть...

Ирина с такой снисходительностью похлопала его по щеке, что все сомнения в её статусе доминанта сразу же испарились.

- Не могу? - она достала из крошечной сумочки визитку и протянула ему. Чисто чёрный фон, серебряный шрифт, единственное слово Ирина и последующий телефонный номер, деловой номер Кингсли. Такие визитки только с именем и номером телефона были у всех домов и сабов, работающих на Кингсли - у домов чёрные с серебряным тиснением, у сабов белые с чёрным. - Позвони мне. В следующий раз я заставлю тебя умолять о сексе.

Она пошла прочь.

- В шахматах... - начал было Дэниел, припоминая правила игры, в которую не играл уже много лет.

- Да? - Ирина повернулась.

- В шахматах королева могущественнее короля.

- Это сказал ты, не я, - лукаво улыбнувшись, ответила Ирина.

И чмокнув его на прощание удалилась. Дэниел стоял посреди комнаты и глазел на дверь. Наконец, более-менее прия в себя, он обулся и вышел в коридор. Кингсли он нашёл в одном из кресел в стиле Честерфилд, которыми был загромождён длинный коридор. Хозяин дома сидел с самокруткой в руке, затем, выпустив колечко дыма, поймал его на палец.

- Хитро, - сказал Дэниел.

- Без хитрости я ничто, *mon ami*.

Скрестив руки на груди, Дэниел прислонился к дверному косяку.

- Ты же вроде пытался бросить? - он кивнул на сигарету.

- Я пытаюсь... только не очень сильно. - Кингсли загасил сигарету и встал. - Ну как, понравился завтрак?

Дэниел пристально смотрел на Кингсли, пока тот медленно поднимался с кресла.

- Она доминатрикс.

- Да. И что?

Гневный взгляд никуда не исчез.

- Мне нравится, чтобы все доминанты у меня на жаловании время от времени оказывались внизу, - продолжил Кингсли. - Это ценный и поучительный опыт.

Кингсли с Дэниелом стали спускаться по лестнице.

- Ты же привык к профессиональным доминантам-мужчинам, - напомнил Дэниел.

Кингсли выгнул бровь, когда они достигли подножия лестницы.

- Не понимаю о чём ты, Дэниел, - невинно посмотрел на него Кингсли круглыми от удивления глазами.

Дэниел не мог решить то ли рассмеяться, то ли стереть это выражение с лица Кингсли кулаками. Но внезапное появление Ани в дверях, помешало ему решить проблему выбора.

Аня присела перед Кингсли в реверанс, а Дэниела смерила полным отвращения взглядом. Боссу она передала свёрток бумаг, Дэниела одарила ещё одним исполненным отвращения взглядом. Увы, девчонка была не только девственницей, но и вне досягаемости. Каждый раз, когда она смотрела на него так, Дэниела так и подмывало оставить на её заднице отпечаток своей ладони. Такая строптивица нуждается в укрощении.

Кингсли отоспал Аню по-французски, и, бросив на Дэниела ещё один презрительный взгляд, та бросилась вон из комнаты. На крепкие бёдра и стройные ноги девушки, почти не прикрытые слишком коротким матросским платьицем, нельзя было не обратить внимания.

- Я знаю, о чём ты думаешь, - нараспев произнёс Кингсли, просматривая бумаги.

- Нет, не знаешь.

- Хочешь показать нашей маленькой морячке, что ты за моряк.

- Ладно, пожалуй, ты и впрямь знаешь, о чём я думаю, - рассмеялся Дэниел. - И поскольку я канадец, очевидно, у неё навечно в чёрном списке.

- На самом деле она ненавидит тебя не за то, что ты канадец, а за то, что одет как кусок дермы.

Дэниел посмотрел на свою одежду.

- Ещё вчера я был в Перу. По меркам Перу это весьма прилично.

Кингсли кинул бумаги на стол и смерил его долгим взглядом.

- Мой друг, ты больше не в Перу. Я позвоню своему портному. Встретишься с ним завтра.

Дэниел тяжело вздохнул. Все его прежние вещи теперь сидели плохо. Он всегда держал себе в форме, но после года восхождений на горы плечи стали шире, а талия уже. А у Кингсли действительно был лучший портной в городе.

- Я не планировал задерживаться в городе, - напомнил Дэниел. Надо было заехать и в свой загородный дом, хотя мысль о возвращении туда не доставляла особого удовольствия. Слишком уж много воспоминаний поджидает там: воспоминаний о последнем году Мэгги, когда она умирала, о трёх годах ада, последовавших за её уходом, и о благословенной неделе с Элеонор.

- Так поменяй планы. Останься в городе хотя бы на аукцион.

- Зачем? - спросил Дэниел. Он не собирался делать ставки на Аню. Даже ради того, чтобы она ужаснулась от мысли отдать свою девственность дурно одетому англоговорящему канадцу.

Кингсли хлопнул его по плечу и повернулся.

- Потому что ты один из нас, *mon ami*.

Глава 3

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

И как он позволил Кингсли втянуть себя в это?

Дэниел снова и снова задавал себе этот вопрос, пока блуждал по комнатам, пытаясь взять себя в руки. Палатки, хижины, юрты - он спал в них больше года, и вот стоит в гостиной роскошной квартиры в Верхнем Вест-Сайде, в которой когда-то жил с Мэгги. Они с женой делили время между городом и Большим домом, как его называла Мэгги, пока болезнь не подточила её силы настолько, что о путешествиях пришлось забыть. Мэгги решила, что желает провести свои последние месяцы с ним за городом. Кто бы мог подумать в тот день, когда он перенёс её хрупкое тело из машины в дом, что пройдут годы, прежде чем он снова увидит город.

- Проклятье, Мэгги, - выдохнул он её имя, глядя из окна на нью-йоркское утро. - Этот город слишком большой без тебя.

Мэгги. Неужели с её смерти действительно прошло четыре года? Плюхнувшись на кожаный диван, Дэниел закрыл глаза. Всё это, будто сон. Когда они с женой встретились, ему было всего двадцать пять, и он только-только закончил магистратуру со сверкающе-новеньkim дипломом специалиста по библиотечному делу. Лишь один из пяти мужчин во всём своём выпускном классе, и единственный парень с нормальной ориентацией. Его до сих пор занимает вопрос, а не помогли ли ему получить работу в архиве Нью-Йоркской публичной библиотеки далеко не самые уродливые лицо и тело. Его начальница Пейдж в тот первый год так много с ним флиртовала, что он чуть было не подал на неё жалобу заексуальные домогательства. Конечно, как только он начал встречаться с одним из самых востребованных адвокатов города, у начальницы проснулся инстинкт самосохранения, и она, наконец, прекратила изыскивать поводы всё время его лапать.

Боже, те первые дни с Мэгги казались безумием. Дэниел Колдуэлл, чуть за двадцать, который едва зарабатывает себе на хлеб на первой настоящей работе и снимает жильё на пару с двумя приятелями, внезапно стал встречаться с Маргарет Делани - почти под сорок, ошеломительно красивой, партнёром юридической фирмы и обладательницей двадцати пяти миллионов долларов на банковском счету.

Дэниел бросил взгляд на ковёр, тянувшийся до книжных шкафов. Мэгги привезла его из Турции всего за пятьдесят штук, полки же он сам заставил книгами, собранными в их путешествиях по всему миру. Эти книги куплены на его собственные деньги, ему платили их за работу, которую он не бросил даже после свадьбы.

А бери он по доллару с каждого, кто упрекал его в том, что он мальчик-игрушка у своей более старой жены, разбогател бы не хуже Мэгги. Конечно, никто не знал, что за закрытыми дверьми та сама становилась его игрушкой, его собственностью. Это она познакомила его с Кингсли и его командой извращенцев - командой, к которой она втайне принадлежала. Мир наверху знал её как сильного адвоката, подполье - как одну из своих выдающихся саб. Когда они начали спать вместе, Дэниел ничего не знал о том, как быть Доминантом.

Просто знал, что его заводит, а коленопреклонённая Мэгги его заводила. Всем же остальным доминантским приёмам обучил его Кингсли. Мэгги учila тоже: как прикасаться к себе, как использовать, насколько далеко она может, хочет зайти. Он любил эту женщину с такой силой, что обладание ей казалось естественным как дыхание или способность ходить. Разумеется, она им тоже владела. Возможно, в спальне она и носила его ошейник каждую ночь, но в ту секунду, когда на его пальце оказалось обручальное кольцо, Мэгги приобрела над ним такую же или даже большую власть, чем он над ней.

А когда она заболела, это не изменило ничего, разве что пред лицом невозможного Дэниел научился любить её даже больше. Онколог Мэгги, один из лучших специалистов мира, предоставил ей выбор. Два-три месяца относительно полноценной жизни и последующее быстрое и болезненное ухудшение, либо до года, если она продолжит сражаться и пойдёт на радио- и химиотерапию, после которой будет чувствовать себя больной и обессиленной.

Дэниелу никогда не забыть, как она обратила на него свои серые, усталые глаза и сказала:

- Я бы променяла целую жизнь в больнице на одну ночь с тобой в нашей постели.

Он позволил Мэгги отказаться от борьбы, и это его убивало. Но, уважая её выбор, он плакал лишь когда она выходила из комнаты.

Итак, он пообещал, что сделает эти два месяца самыми лучшими в её жизни. Любая прихоть, ведь они могут поехать, куда угодно, делать, что угодно... любая дикая фантазия, что придёт ей в голову - и он её осуществит. Однажды ночью, после того, как он занялся с ней любовью, осторожной, чтобы не оставить следов, так как кожа Мэгги слишком легко покрывалась синяками, жена прошептала ему на ухо просьбу:

- Не возражаешь, если я позвоню Кингсли?

Ради своей умирающей жены, которой осталось жить один, может, два месяца, Дэниел позвал бы весь военно-морской флот США, если бы она захотела, чтобы тот её обслужил.

- Не стоит, - ответил он тогда. - Я позвоню ему сам.

Дэниел позвонил Кингсли, и Кингсли сделал то же, что и всегда - пришёл. Вопреки опасениям, он не отпрянул, увидев Мэгги: рак уничтожил красавицу-жену Дэниела, превратив в жену весом в сорок три килограмма и с волосами, что только начали отрастать после месяца без химиотерапии. Но Кингсли даже не поморщился. Той ночью в их супружеской спальни Кингсли проделал с Мэгги кое-что, удивившее даже Дэниела. А затем, по просьбе жены, Дэниел позволил Кингсли проделать одну удивительно приятную штуку и с собой. С Мэгги же Кингсли обращался так, словно она самая соблазнительная, неотразимая и экзотичная женщина на планете Земля. И за

доброту, которую он проявил той ночью, заставив Мэгги позабыть о раке, Дэниел готов сделать для него чуть ли не всё на свете.

В том числе поприсутствовать на этом его чёртовом аукционе. И сходить к его чёртову портному. И остаться в этом чёртовом городе, который без Мэгги рядом кажется одновременно перенаселённым и пустым.

Простонав, Дэниел провёл рукой по лицу и направился к двери. На сегодня миллион дел, и скоро придут уборщики приводить квартиру в порядок, так что лучше быть отсюда подальше. После смерти Мэгги этим жильём пользовались только её родители во время своих вылазок в город, но уже месяцы, как никто тут не останавливался.

В не самом лучшем расположении духа Дэниел взял такси и отправился к портному. И всё-то у Кингсли не как у людей. Нет, чтобы просто выбрать костюм от Армани в манхэттенском бутике и отдать подогнать по фигуре, Кингсли нужен древний гей-итальянец из Гринвич-Виллидж, что в своём трёхэтажном доме без лифта шьёт ему на заказ эксклюзивные костюмы ручной работы.

Порой Кингсли слишком уж серьёзно воспринимает часть «кинг» в своём имени, будто и впрямь считает себя королём.

Синьор Витале поприветствовал Дэниела чрезмерно многочисленными поцелуями в щёки, но Дэниел не протестовал: восьмидесятилетний синьор Витале куда симпатичнее, чем его прежняя начальница Пейдж, вечно норовившая облапать.

Дэниел ждал посреди комнаты перед трёхстворчатым зеркалом. Где-то в здании у сеньора Витале был настоящий магазин соstellажами с одеждой, но лишь особые клиенты удостаивались приглашения в его мастерскую.

- Я позову помощницу. У неё глаз лучше намётан снимать мерки. Оставлю вас в её руках. - Синьор Витале исчез за ширмой, и несколькими минутами позже появилась женщина в сером шерстяном костюме а-ля сороковые, в чулках телесного цвета и с аккуратным узлом рыжих, собранных на затылке волос. Из-за чопорных очков на кончике носа Дэниел её сначала не узнал, но тут она заговорила:

- О... это вы. - И скрестила руки на груди.

- А, у квебекской девчонки есть дневная работа, - ответил Дэниел ухмылкой, которая, как он надеялся, разозлил рыжую ещё сильнее.

Аня постучала по полу ногой, обутой в туфлю «рэтро-шик» на высоком каблуке, и этот звук эхом раскатился по всей, похожей на большой гардероб, комнате.

- У квебекской девчонки несколько работ, - вытаскивая блокнот и крошечный карандаш, ответила она. - Дома в Монреале у неё пять братьев и сестёр, и когда-нибудь им захочется в колледж. А теперь стойте смирно.

Аня сняла с шеи измерительную ленту и зашла за спину Дэниелу.

- Пять братьев и сестёр? Боже правый! Бедная ваша мать.

- Очень бедная. - Она шлётнула его лентой по спине. - Мама умерла пять лет назад.

- А ваш отец?

Аня издала полный отвращения звук, который Дэниел раньше слышал только от Кингсли, и то лишь, если кто-то осмеливался спросить, какую машину тот водит. Как правило, он закатывал глаза, издавал точно такой же чисто французский презрительный звук и отвечал: «Я не вожу. Меня возят».

- Mon père слишком занят борьбой за освобождение Квебека от канадского владычества. Это его слова, не мои. Он даже не помнит, что у него есть дети. А теперь поднимите руки.

Состроив сочувственный гримасу, Дэниел поднял обе руки. Он думал Аня выпендривается, а, оказывается, она несёт на своих плечах заботы всего мира.

Впрочем, сочувствия в нём поубавилось, когда, измеряя шею, Аня чуть не задушила его сантиметром.

Пока она записывала его мерки, Дэниел изучал её лицо. Какая жалость, что она так сильно его ненавидит. Редко увидишь более красивую девушку. Прямой нос и фарфоровая кожа... длинные, густые ресницы и безупречный овал лица... Будь он художником, испытал бы искушение потратить жизнь, зарисовывая это лицо при всевозможном свете. Лучше всего при свете свечей. Одна свеча - прямо у кровати, а голая Аня - под ним. Вот прекрасная картина бы вышла!..

- Вы плялитесь на меня. - Швырнув на стол блокнот с карандашом, Аня снова взялась за измерительную ленту.

- Ты красивая. Само собой, я на тебя пялюсь.

Аня издала ещё один полный отвращения вздох:

- Эх вы, богатенькие доминанты, привыкли думать, что все женщины ваши.

Дэниел начал было протестовать, но тут Аня внезапно опустилась перед ним на колени. Он сглотнул, желудок свело. В зеркальном отражении из-под задравшейся юбки мелькнул кусок телесной подвязки.

- Расставьте ноги, - приказала Аня. - И, если скажете, что эта фраза больше пристала вам, - проткну мошонку вот этим самым карандашом.

- Да мне это даже в голову не приходило. - Дэниел послушно поставил ноги шире, Аня же тем временем размотала измерительную ленту. - Так вот как ты познакомилась с Кингсли?

- Oui. - Аня приложила конец ленты к его промежности. Дэниел закрыл глаза и представил себе разлагающийся, кишащий личинками труп лошади, что как-то попался ему за околицей одной чилийской деревни. Помогло. - Он заставил меня замерять внутренний шов... десять раз.

Дэниел хохотнул. Кто бы сомневался.

- Не многие женщины способны устоять перед обаянием Кингсли. Должно быть, его впечатлило, что ты смогла.

Аня с пола сердито сверкнула глазами.

- Я работаю у сеньора по шестьдесят часов в неделю. Мне некогда ходить на свидания. - Она записала в блокнот мерки его левой ноги.

- Кингсли тоже не ходит на свидания. Он просто... покупает.

- Меня ему не купить. Он сказал, я могу оставить всё, что выручу за себя на аукционе. Он даже не станет удерживать свои пятнадцать процентов. В последний раз за девственницу отдали двести пятьдесят тысяч долларов.

- Да, но несколько лет назад ещё одна девственница ушла с аукциона в руки садиста, который отправил её в больницу. - Может, Кингсли и хороший друг, но он не святой. И хотя в его доме и клубах всё происходит по обоюдному согласию, это как бы там ни было противозаконно. Нелегально, аморально и зачастую жестоко.

Она пожала плечами.

- Зато денег хватит, чтобы отложить на обучение всем братьям и сёстрам. Остальное меня не волнует.

Аня убрала ленту и поднялась. Посмотрела в свои записи и проказливо хихикнула.

- Что? - спросил Дэниел.

Она приподняла бровь:

- Шов Кингсли... он на дюйм длиннее вашего.

Дэниел метнул в её сторону испепеляющий взгляд. Ах так. Ну всё, сама напросилась.

Он шагнул вперёд и, используя своё превосходство в размерах, запер Анию в изгибе трёхстворчатого зеркала. Боже, как же хотелось её развернуть, задрать юбку и оттрахать так, чтобы впредь не выпендривалась. Находясь в ней, он бы наблюдал за её лицом в зеркале, и не давал бы кончить, пока она не скажет что-нибудь хорошее про канадцев.

В особенности о нём самом.

Дэниел поднял руку к лицу Ани и кончиком пальца провёл по её нижней губе.

- Пообедаешь со мной сегодня. - Это был не вопрос.

Слегка покраснев, Ания резко втянула воздух и, похоже, позабыла как дышать. Хороший знак. Она его хочет, независимо от того, признаёт это или нет.

- Non. Я должна работать. Кингсли хочет к аукциону новый костюм, а теперь ещё и вам гардероб шить придётся. Вы можете себе позволить время и деньги на обед, я - не могу.

- Я плачу.

Ания шагнула в сторону, отходя от него подальше. Когда она снова посмотрела на Дэниела, прежняя задиристость исчезла, но её место заняло кое-что другое - мрачная решимость.

- Вот и платите сами за свой обед, а я не в меню.

Покинув синьора Витале, Дэниел отправился к Кингсли. Надо было обсудить несколько вопросов. Во-первых, об Ане: ну очень неправильно, когда девушка продаёт свою девственность с аукциона самым закоренелым извращенцам Нью-Йорка, Коннектикута и Нью-Джерси ради того, чтобы заплатить за обучение своих братьев и сестёр. А закончив с этим разговором, они обсудят по какой такой причине Кингсли решил втянуть его в этот аукцион. Будучи помоложе, он бы наслаждался вниманием женщин, взвинчивающих ставки, чтобы заполучить его для сексуальных утех. Но он семь лет прожил в браке и смотрел, как рак убивает любовь его жизни у него на глазах. А затем встретил единственную женщину, достаточно красивую и достаточно дикую, чтобы своей обольстительностью вырвать его из сетей горя и заставить снова думать о любви. Когда Мэгги умерла, он умер, а когда к нему пришла Элеонор - родился снова.

А затем и она его покинула.

А после Мэгги и Элеонор любовь и секс уже не так забавляли. Вряд ли это то, что он мог бы купить или продать на аукционе. Однако Кингсли настаивал, так что Дэниел согласился. Ладно. Почему бы и нет? Пусть речь идёт о ночи извращённого секса, но большая часть денег в любом случае пойдёт на благое дело. Вчера в одной из гостевых спален Кингсли Дэниел трахался и доминировал над полной незнакомкой. Не умрёт, если повторит.

На этот раз Дэниел не стал заморачиваться тем, чтобы подойти к парадной двери и ждать. Ближайшее окружение Кингсли имело обычай рассматривать трёхэтажный манхэттенский особняк как свой второй дом. Его друзья и клиенты-извращенцы постоянно приходили и уходили... как правило, приходили. В любое время дня и ночи можно было прийти к Кингсли и найти партнёра для любовных утех. Или для оргии, смотря на какой день недели выпадала ночь. Понедельники обычно бывали бурными, так как заглядывали выпустить пар клиенты белые воротнички. Дэниел решил воздержаться от вечеринки в гостиной и попросил таксиста высадить его у бокового входа, который вёл к чёрной лестнице в старом крыле для слуг. Большинство Преисподней даже не знало, что в особняке Кингсли есть боковой вход, но поскольку горстка клиентов была не только богата, но и знаменита, им требовался способ анонимно прошмыгнуть в дом и из дома.

Поднявшись по чёрной лестнице, Дэниел нашёл Кингсли в коридоре, тот был занят весьма страстным поцелуем с темнокожей богиней, почти такой же высокой, как он сам. Кингсли поднял девушке ногу и, заведя себе за пояс, просунул руку между их телами. Девушка слегка ахнула от удовольствия, так как рука Кингсли исчезла под юбкой и сделала что-то, плохо видное Дэниелу, и всё же очень хорошо понятное по громким, тяжёлым вдохам.

Кингсли явно заметил ждущего Дэниела. Каким-то образом ему удалось одновременно смерить гостя вопросительным взглядом и ещё глубже просунуть язык в рот богине. Должно быть, французская штучка.

В конце концов отстранившись, богиня исчезла в спальне Кингсли.

- Твой выбор времени безупречен, mon ami. - Кингсли расправил смятый галстук и вытер пальцы шёлковым платком.

- Сожалею, что прервал, - сказал Дэниел без тени истинного раскаяния.

- А я нет. Эта девица ненасытная, я же француз, а не машина.

- Она великолепна.

Кингсли кивнул.

- Гаитянка. Последнее пополнение...

- Да, твоей императорской коллекции. Всё ясно. Поэтому-то я и здесь.

- Ты и без меня знаешь, моя коллекция сродни твоей библиотеке - бери напрокат, что душа пожелает, только возвращай вовремя. - Кингсли подвёл их к лестнице.

От шутки Кингсли у Дэниела упало сердце. Разумеется, Кингсли не знал, насколько его слова близки к правде. Внезапно Дэниелу с кристальной ясностью вспомнился тот день в библиотеке после их первой с Элеонор ночи.

«Итак, ты библиотекарь. Кто же в таком случае я? Взятая на неделю книгу?» - сверкнув на него глазами, спросила тогда Элеонор.

Боже, эти глаза... Ему никогда не забыть глаз Элеонор, то чёрных, то в следующую минуту зелёных. Их цвет менялся также быстро, как её настроение. Нуждаясь в ней, в ней, а не в призраке Мэгги, он смёл книги в сторону, но она, Элеонор, настолько мощно им завладела, что он почти содрогнулся от этой силы.

Взятая на неделю книга... Вряд ли мне нравилась мысль о том, что тебя надо вернуть.

Элеонор тогда рассмеялась над его необдуманными словами. Её смех... этот смех будет звенеть в его ушах и на смертном одре - низкий и грудной, но в то же время невинный и жизнерадостный. Соблазнительный, чувственный: смех который хотелось сцеповать с её губ и проглотить без остатка.

Он пошутил, просто пошутил: что угодно, лишь бы она рассмеялась. Немыслимо даже думать о том, чтобы попросить Элеонор остаться. Она чужая собственность. И не абы чья. В Преисподней есть доминанты. И есть Он. В Преисподней есть садисты. И есть Он. Есть люди, которых можно поиметь, и есть люди, которых нельзя.

И есть Он.

- Я здесь не затем, чтобы кого-то позаимствовать из твоей коллекции. Хочу поговорить об Ане.

Они дошли до первой лестничной площадки, и Дэниел застыл в шоке, потрясённо поняв, что эхо на лестнице - это звук, которого он не слышал уже больше года.

И не какой-нибудь там звук.

Смех.

Её смех.

Замерев, Дэниел посмотрел в тёмные, наблюдательные глаза Кингсли.

- Элеонор... Она здесь?

Кингсли сначала не ответил. Очаровательный французский проказник снова исчез, и теперь на него предостерегающе смотрел стальным взглядом опасный хранитель Преисподней.

- Non, mon ami, - наконец ответил он. – Они здесь.

Глава 4

ИГРА

Дэниел не двигался, не мог сдвинуться. И не сдвигается, пока Кингсли стоит тут и смотрит. Но послушает. Вот мужской голос, низкий, суровый - голос, который он не слышал с той единственной идеальной недели в обществе Элеонор. А вот снова её смех. Смех, такой радостный и чувственный... плывёт вверх по лестнице и проходит насквозь, замораживая до мозга костей.

Голоса удалились, и Кингсли подняв руку, молча пригласил следовать за собой. На следующей лестничной площадке они остановились и стали ждать. На этом посту их скрывали тени, и было хорошо видно то, что происходит в комнате.

Элеонор... столь же прекрасная, как и в первый день встречи. Она теребила волосы, собранные в небрежный конский хвост, а Он, похоже, подсказывал ей что-то насчёт событий, развернувшихся на шахматной доске, которая лежит между ними на столе.

Даже издалека была видна лучистая радость, которой сияют глаза Элеонор, пока она изображает сибаритскую, зевающую скучу. Священник щёлкнул пальцами перед её лицом, и она тотчас же села прямее. Неохотно оторвав от неё глаза, Дэниел уставился на Него - этот человек некогда считался другом, но теперь, после утраты Элеонор, стал соперником. Дэниел ненавидел себя за злобу, которую носит в сердце, но никакие доводы рассудка и самоувещевания не помогали проглотить ту горькую пиллюлю, что застряла во рту с тех пор, как Элеонор сказала на его просьбу оставаться «нет».

- Он священник, - сказал Дэниел так тихо, что засомневался услышал ли Кингсли.

- Oui.

- Как она может быть счастлива с ним? - взгляд на её лицо и глаза не оставлял сомнений, что она женщина, которая по уши, без ума влюблена. - Он же не может на ней жениться. Не может дать детей, ведь тогда его отлучат от церкви.

- Она любит его, а он - её. И если бы существовал способ их разлучить, я бы его уже обнаружил.

В голосе Кингсли прозвучала какая-то горечь - горечь сродни той, которую испытывал сам Дэниел. Пара в комнате приковала взгляды обоих. Мужчина: высокий, весь в чёрном, красивый, изящный, лицо лет на десять младше реальных тридцати девяти, а глаза - веками старше. И она: чёрные волосы, чёрные и зелёные глаза, полные губы, созданные для куда более интимных дел, чем поцелуй с другими губами. На ней была девчачья белая пижама, на шее - белый ошейник.

Глаза Дэниела изучали каждую чёрточку и изгиб Элеонор, а Кингсли сосредоточил внимание кое-где ещё: на лице мужчины, который ею владеет, на лице своего лучшего и, как многие бы сказали, единственного друга.

Дэниелу на миг стало слишком невыносимо видеть Элеонор и её спутника вместе, да ещё такими довольными жизнью. Он закрыл глаза, и его мысли устремились в прошлое, причём куда дальше, чем хотелось бы.

Как он вообще оделся тем утром, для него до сих пор загадка. Просто стоял перед зеркалом и завязывал галстук пальцами, которые функционировали лишь благодаря мышечной памяти.

- Сегодня я хороню жену, - эхом отдавалось в его голове. - Тридцать четыре, а уже вдовец... за что?

Должно быть, он произнёс эти слова вслух, потому что от двери между его комнатой и спальней Мэгги, донёсся ответ:

- Наверняка тебе от моих слов не легче, но я тоже не знаю за что.

Обернувшись, Дэниел увидел, как к нему идут почти два метра ангельски белокурой церковной собственности.

- На самом деле, это утешение.

Священник изучал его добрым, проницательным взглядом. Чуть раньше приходил со своим подарком из медкабинета Кингли, и теперь Дэниел держался на ногах, лишь благодаря сочетанию транквилизатора и шока.

- Я не стану тебя оскорблять, спрашивая, как ты, - сказал священник. - Спрошу только, чем могу сегодня помочь.

На Дэниела тогда нахлынула такая благодарность. Её даже не требовалось скрывать: этому человеку, священнику, можно было рассказать, что угодно, признаться в любой тайне и встретить понимание.

- Если бы я попросил тебя меня убить, ты бы это сделал?

Священник улыбнулся.

- Я иезуит. Мы пацифисты. И хоть я не согласен с римской курией по ряду вопросов, убийства из милосердия не поддерживаю. Ещё просьбы?

- Да, пожалуй. Вряд ли мне по силам это выдержать... - Дэниел замолк, подбирая слова. - Не вынесу, если сегодня ко мне кто-нибудь прикоснётся или заговорит. Я должен пройти через это. Ради неё.

Священник сцепил перед собой аккуратные, ухоженные руки. Дэниел не раз видел священника Преисподней, но не припоминал, чтобы в сутане. Обычно тот ограничивался традиционным белым воротничком. В чёрном, длиннополом одеянии мужчина выглядел даже более грозно, словно порождение давних времён.

- Может, тогда тебя оградить от общения?

Дэниел снова кивнул. Или, по крайней мере, попытался: тело и разум, как будто принадлежали разным людям.

- Тут я помочь могу.

Следующие два часа Дэниел провёл, глядя прямо перед собой, - ничего не слышал, никого не видел, разве что размытое пятно темноты, которое нависало за спиной подобно тёмному ангелу.

Только у могилы Дэниел начал снова что-то воспринимать. Друзья и родственники уже расходились по машинам, а он всё стоял, не сводя глаз с гроба. Даже пастор, приглашённый для заупокойной службы, и его родители, в конце концов, ушли, устав ждать. Остался лишь тёмный ангел - молчаливый, равнодушный, еле заметный.

- Моя жена в ящике в земле, - сказал Дэниел скорее себе самому, чем стоявшему рядом священнику. - Мне следовало бы лежать с ней.

Повисло молчание. Дэниел почувствовал, что священник раздумывает над услышанным.

- Кроме Кингсли никто не знает, что в моей жизни кое-кто есть, - начал священник. - Её зовут Элеонор.

- Красивое имя.

- Она его ненавидит. Разумеется, потому-то я её им и называю.

Дэниел обнаружил, что всё ещё способен улыбаться.

- Разумеется.

- Если вдруг что-то случится с моей Элеонор... - он остановился, сделал глубокий вдох, - ...ни одна яма, ни одна пропасть, ни один каньон, какими бы глубокими они ни были, не вместят моего горя.

Ни одна яма, ни одна пропасть, ни один каньон... Дэниел сердцем почувствовал искренность и правильность этих слов.

- Я в растерянности, не знаю, что делать, - немигающие глаза Дэниела начали слезиться.

- А чего тебе хочется?

- Вырыть настолько глубокую яму, чтобы вместила горе, закопаться туда, закрыть глаза и не открывать их долго-долго.

- Ну так сделай это.

Дэниел повернул голову и встретился со взглядом священника. Со взглядом глаз, обладавших цветом и силой стали.

- А если я больше не смогу выбраться из этой ямы?

- Ты мне доверяешь, Дэниел?

Дэниел не торопился с ответом. Священник, несомненно, заслуживает уважения. Редко встретишь более умного и образованного человека. В то же время он по праву считается одним из самых печально известных садистов Преисподней. Провести с ним вечер наедине отваживаются лишь самые сильные и вышколенные мазохистки, да и то считанные единицы. Интересно, какая его Элеонор? Должно быть, похожа на него: холодная, жёсткая, безжалостная и несгибаемая.

Доверяет ли он священнику? В памяти всплыл случай, когда ещё один садист из окружения Кингсли пренебрёг безопасным словом сабмиссива, сломав юноше-партнёру нос и запястье. Кингсли и священник заперлись тогда с этим садистом в одном из клубов Кингса. В ту ночь там оказались и Дэниел с Мэгги. Крики того мужчины были такими звериными и жалобными, что Дэниел едва не вмешался. Но в зале суда твёрдость Мэгги не уступала её покорности в спальне. Пробыв с собой с семнадцати лет, она возненавидела плохих доминантов всеми фибрами души и в ту ночь, ради разнообразия, дала ему почувствовать свою власть.

- Пусть на собственной шкуре испытает, что такое безжалостность. - Мэгги вернула его «ой». - Оставь их в покое.

И он оставил. Надо сказать, ему порядком хотелось оказаться в той комнате и вершить собственное жестокое правосудие. Сама мысль о том, что какой-то доминант, и впрямь нанёс связанному сабмиссиву телесные повреждения, воспользовавшись беспомощностью последнего, приводила чуть ли не в слепую ярость.

Когда Дэниел, наконец, ответил священнику, это было от чистого сердца.

- Ты пугаешь меня до усрачки, но, да, я тебе доверяю.

Казалось, оба признания священника ни капли не удивили.

- Что ж, тогда ступай. Выкопай свою яму и заползи внутрь. Если не найдёшь способ выкарабкаться, пошлём кого-нибудь тебя выкапывать.

Три года Дэниел не мог выбраться из ямы горя. Три года он не выезжал из Большого дома, не преступал границ своего имущества. Но священник сдержал обещание, послав ему собственное имущество, свою Элеонор, своё сердце.

- Боже, какой я засранец, - сказал Кингсли Дэниел. - Даже не верится, что пытался отобрать её у него. А ведь он столько для меня сделал. Да и она.

- А что она для тебя сделала? - с каким-то весёлым вуайеристским любопытством ухватился за вопрос Кингсли.

- Спасла мне жизнь. Если бы не она, я бы умер в том доме, Кинг. Да я, в общем-то, и умер.

Тем временем в гостиной Элеонор взяла шахматную фигуру. Её спутник показал на один из квадратов поля, но она покачала головой. Зная его, он сейчас пытается её обучить хитростям какой-нибудь малоизвестной стратегии. Зная её, - играет по самоубийственным правилам, пытаясь поскорее покончить с игрой. Священник снова щёлкнул у неё перед лицом пальцами. Она снова покачала головой. Он раздосадовано вздохнул, потянулся за фигуркой, но тут Элеонор засунула её в рот.

- Merde, только не снова, - вздохнул Кингсли.

Дэниел же просто смотрел. Священник зажал ей пальцами нос, битва двух характеров началась. Учитывая, что рот Элеонор закрыт, а нос зажат, шансов на победу не было никаких. Рано или поздно потребность вздохнуть заставит её забыть об этом своевольном отказе играть по Его правилам.

Прошла минута. Элеонор зажмурилась. Священник постучал пальцем у неё под подбородком, и она сдалась, выплюнув фигурку ему на ладонь.

- Merci mon Dieu, - выдохнул Кингсли.

- Почему?

Кинг взглянул на Дэниела.

- В прошлый раз Элеонор её проглотила.

- Случайно? - Дэниел поморщился. Неприятная штука: что туда, что обратно.

- Намеренно, bien sûr.

Дэниел прикрыл рот рукой. Пришлось, а то рассмеялся бы на весь дом.

Вспомнилась ночь, когда они с Элеонор сами играли в игру, только не в шахматы, в покер. В покер на раздевание. Тогда она тоже играла по самоубийственным правилам и в итоге после трёх партий осталась в одних крошечных белых кружевных трусиках.

- Давай, побей меня, - сказала она и перекатилась на живот. Её голые ноги болтались в воздухе, выше пояса - ничего, кроме улыбки.

- Это покер, не блэкджек, - начав тасовать карты, напомнил он

Они проводили в гостиной у камина каждый вечер: говорили, трахались, иногда и то, и другое сразу.

- Чпокар? А кто он такой?

Дэниел щёлкнул пальцами у неё перед носом.

- Будь паинькой.

- Ну ладно. - Она сбросила несколько карт. - Побей меня.

- Покер, не блэкджек, - повторил он.

Элеонор глянула на него сквозь завесу чёрных волнистых волос.

- Может, я вовсе не об игре.

Дэниел чуть не выронил карты.

- Ты не можешь не понимать, что мы знакомы всего несколько дней. - напомнил он.

Она пожала плечами - нежными, бледными плечами со следами укусов и грубых поцелуев, которыми он покрыл их всего несколько часов назад.

- Ты уже трахнул меня несчётное количество раз, приказывал мне, заставил называть тебя «сэр», но так и не побил. Знаю, ты этого хочешь... сэр.

Она перевернулась на спину и посмотрела на него. Есть ли на свете что-то более прекрасное, чем обнажённые женские груди, омытые светом камина? В особенности, если это груди Элеонор у твоего камина?

- Я очень серьёзно отношусь к причинению боли другим, - ответил он, хотя до боли желал, привязав Элеонор к кровати, разукрасить её бледную кожу красными рубцами. – Здесь требуется большое доверие. Ты действительно настолько мне доверяешь? Всего после нескольких дней?

- Нет. - Она залезла рукой ему под брючину и погладила ногу. - Но доверяю Ему, а Он - тебе. В конце концов, на эту неделю я здесь не по твоей воле, а по его.

- Ответь на один вопрос. Сколько вы уже были знакомы, когда он побил тебя в первый раз?

Элеонор мелодраматично простонала.

- Ах да, забыл. Ты не хочешь о нём говорить.

Она, кивнув, села.

- Знаками хоть показать можешь?

Элеонор забрала из его рук колоду и быстро пролистав карты, достала пятёрку треф.

- Пять лет? - спросил Дэниел, и она снова кивнула. - Пять лет, не пять дней, - подчеркнул он. - Сколько тебе было, когда вы встретились?

Элеонор снова перебрала карты и на этот раз подняла сразу две.

- Пятьдесят один? - спросил Дэниел.

Закатив глаза, Элеонор повернула карты к себе.

- Пятнадцать? Ты встретила его в пятнадцать. Во сколько тогда у вас был первый секс?

Она выдохнула через нос, снова покопалась в картах и вынула десятку пик и десятку бубён.

- В двадцать? Выходит, чтобы тебя не то что побить, а просто поиметь, он прождал целых пять лет. А со мной ты готова на это всего после нескольких дней?

Она с воодушевлением кивнула.

Дэниел опустил глаза на разбросанные карты.

- Ты действительно счастлива с ним? - спросил он, сам толком не зная, почему задаёт этот вопрос.

Она тяжко вздохнула, как будто ей уже надоело в тысячный раз отвечать на одно и то же.

- Вы двое занимаете умы каждого, ведь твой хозяин такой тихий и серьёзный...

- Не говоря уже о том, что он ростом больше шести футов и садист...

- Что ж, да, он такой.

Элеонор подняла короля треф, тот держал по мечу в каждой руке.

- Нет не такой. Не со мной. Со мной он...

Она перелистала всю колоду, собирая набор.

Затем разложила карты между собой и Дэниелом на полу - сплошь червы.

- И кто ты? - он нервно сглотнул. Её преданность своему хозяину сильно напомнила о той близости, что была у него самого с Мэгги. Найдёт ли он ещё нечто подобное? - Она?

Дэниел поднял королеву червей.

- О, чёрт. Нет. - Элеонор полезла в коробку с картами. - Вот я.

Она протянула джокера.

- Почему? Ты что, забавная, или, может, худший кошмар Готэма?

- Это знаю только я, а тебе предстоит выяснить. А пока, как насчёт небольшой игры в?..

Она подняла две карты. Первая - шестёрка треф, вторая - девятка пик.
Дэниел метнул сердитый взгляд.
- Ну вот. Теперь я тебя побью.

Схватив её за запястья, он рывком поднял Элеонор на ноги. Не прошло и минуты, как она оказалась в спальне, прижатой спиной к спинке кровати. Его губы жадно поглощали нежный рот девушки, пальцы впивались в её бёдра. Он грубо толкнул её на пол. Элеонор даже не понадобился приказ. Она мгновенно расстегнула ему штаны и взяла его глубоко в рот.

Запустив пальцы в её волосы, Дэниел пытался побороть страх. Что если он начнёт её бить и не сможет удержаться в узде? С Мэгги они месяц пробыли любовниками, и только потом он позволил себе шлёпнуть её во время любовных игр. Правда, она так эротично это восприняла, что на следующий же день он накупил целую кучу игрушек для садо-мазо - игрушек, которые касались исключительно кожи Мэгги. А теперь будут использованы кое-кем ещё.

Не дожидаясь, пока кончит, Дэниел высвободился и снова поднял Элеонор на ноги. Затем открыл шкаф в спальне, в котором они с Мэгги держали игрушки и достал флоггер, наручники для бандажа и крюки-карабины. Вернулся к кровати, заломил девушке руки за спину и застегнул наручники.

- Скажи мне своё стоп-слово, - потребовал он. Голос звучал сердито, но в душе Дэниел боролся со страхом зайти слишком далеко.

- Какая разница, - ответила она, и её тело, обмякнув, отдалось ему на милость. — Ты не услышишь его.

Тут Дэниел чуть не расхохотался.

- Такая крутая, да?

- Нет, сэр. Такая хорошо выдрессированная.

И, боже, она не соврала. Дэниел не раз видел, как другие сабмиссины плачут при первом же взмахе плётки, как визжат, будто кожаные шнурки рассекли кожу до мяса вместо того, чтобы просто оставить на их нежных спинах красные следы. Но Элеонор стояла спокойно, расслабленно и равномерно дышала, терпя боль как настоящая профи. Конечно, эта лёгкая порка, скорее всего, бледнеет в сравнении с тем, что проделывал с девушкой её хозяин. Однако её добровольное согласие на боль, на самого Дэниела, доверие, которое она ему выразила, позволив привязать себя к столбику кровати...

Отбросив флоггер, Дэниел прижался спиной к груди Элеонор и резко, глубоко вошёл в её тело. Его окутали влажность и тепло девушки. Больше трёх лет он жил как монах, и сегодня хотел, нет, не мог не наверстать потерянное время.

Перед самым оргазмом Дэниел заставил себя выйти, подобрал флоггер и ударил Элеонор снова. Но этот удар был сильнее, настолько сильным, что она всё же вскрикнула от боли. И на Дэниела этот звук подействовал похлеще, чем на неё - удар плётки. Снова толкнувшись в Элеонор, Дэниел почувствовал, как, наконец, начинают отваливаться слои грязи, которыми он оброс за три года, пока оплакивал Мэгги под землёй. С каждым свирепым толчком он всё больше возвращался к жизни, всё больше становился похож на себя прежнего.

Наконец, он освободил Элеонор от пут и позволил упасть на пол. И тут же оказался на ней и в ней, будто какое-то животное. Теперь ничто не могло его остановить или замедлить. Он полностью отдался сексу. Единственная крошечная частичка мозга, в которой ещё сохранилась способность думать, благодарила Бога за то, что Элеонор не сказала своё стоп-слово. Произнеси она его сейчас, и пришлось бы жить с чувством вины, что не остановился.

Кончив в четвёртый раз, Дэниел попытался сползти с девушки, но понял, что полностью обессилел, и просто рухнул на её лежащее ничком тело. Начал извиняться, что так далеко зашёл, но в ответ снова услышал смех. Тот же невероятно эротичный смех. Гомер всё не так понял, - пришла мысль. По традиции сирены - певицы, но истинная песня сирены - смех.

- Что такое? - целуя её сзади в плечо, поинтересовался он.

- Вот это, - ответила она и вытянулась под ним, словно ничуть не возражая, чтобы он остался внутри на всю ночь, - вот это, я понимаю, чпокарь.

Он помнит, как тогда они вместе рассмеялись. Боже, эта девушка каламбурила даже во времяекса. Этот смех всё ещё стоял в ушах, пока Дэниел возвращался на лестницу, к тому месту, где он стоял рядом с Кингсли.

Тем временем в гостиной Элеонор что-то насторожило, и она повернулась к теням на лестничной площадке. Дэниел ещё глубже отступил в темноту.

Кингсли поманил наверх, и Дэниелу пришлось оторваться от созерцания Элеонор. Попадись он ей на глаза... попадись на глаза её спутнику, ничего хорошего это не принесло бы. Возможно, когда-нибудь ему удастся посмотреть на неё без желания утянуть к себе, выбить и вытряхать из её головы воспоминания о других мужчинах. Возможно, однажды... но не сегодня.

Наверху лестницы Дэниел на мгновение повернулся к Кингсли спиной, чтобы перевести дыхание.

- Я могу для тебя что-нибудь сделать? - поинтересовался Кингсли. - Возможно, одна из жемчужин моей императорской коллекции поможет тебе отвлечься от мыслей о *le prêtre's petite amie*. (прим. фр. маленькая подружка святого отца)

Развернувшись, Дэниел схватил Кингсли за горло и стремительным, сильным движением прижал к стене.

- Я сейчас не в самом лучшем настроении, ты уж прости, - почти прорычал Дэниел. - Однажды, Кингсли, ты сам привяжешься к женщине, вместо того чтобы собирать их, словно вазы. Если из-за твоего дурацкого акционишви пострадает Аня, я покажу тебе и твоему священнику внизу, что такое подлинный садизм. Comprenez-vous? (прим. фр. Понятно?)

Кингсли смерил его взглядом. Дэниел знал, что несмотря на весь его кажущийся пофигизм, Кингсли по праву можно назвать одним из опаснейших людей в городе, а то и стране. Однако, когда Дэниел глянул ему в глаза, увидел там едва заметную тень страха. Дэниел усмехнулся.

- Je comprends, - ответил Кингсли. (прим. фр. я понимаю)

- Хорошо.

Дэниел убрал руки с шеи Кингсли и отступил.

Кингсли опять пришлось поправлять свой помятый галстук.

- А теперь мне пора, - объявил Дэниел и направился к парадной лестнице. - Я собираюсь пообедать. Собираюсь к себе домой. И не собираюсь думать о тебе, Элеонор, священнике и том мире, в который ты меня снова втянул.

Кингсли недоверчиво приподнял бровь.

- Если не подводит память, это ты постучался в мою дверь, Дэниел.

- Да, и после аукциона больше стучать не намерен. Побуду тут, чтобы убедиться, что с Аней всё будет в порядке, а потом уеду.

Дэниел пошёл прочь.

- Это был тест, *mon ami*.

Развернувшись к Кингсли, Дэниел тотчас пожалел о своём решении.

- Какой тест? Нет. Извини. *Quoi?* (прим. фр. Что?)

Кингсли гневно сверкнул глазами: ответные шпильки на французском бесили его как ничто другое.

- Та неделя вместе... ты и Элли. Это был тест.

Дэниел ответил собственным сердитым взглядом, и Кингсли расхохотался своим противным французским смехом.

- Это чтобы ты не думал, будто он послал её из какой-то особой любви к тебе. - Кингсли зашагал навстречу. - И чтобы не ненавидел себя за то, что пытался её отобрать после того, как он так тебе помог... Он послал её тебе в качестве испытания.

- И... дай-ка догадаюсь... я его провалил.

- Не тебя одного испытывали, Дэниел. Её тоже. И она прошла.

Суровая правда этих слов была как жестокий удар в живот, и ещё более жестокий ниже. Дэниел хотел ответить, хотел как-то возразить, но не находил слов. Она могла получить его... человека богатого, неженатого, свободного. Она могла получить того, кто на ней женится, даст детей, возможность жить, не таясь... но ушла от этого всего и выбрала Его. Вместо жены стала любовницей священника. Детям предпочла секреты. Дэниелу - Его.

- Я знаю это, - продолжил Кингсли, - потому что сначала испытывали меня.

Дэниел резко вдохнул. Да, будь он мазохистом, вся эта боль его бы, возможно, порадовала.

- Отпусти её, - посоветовал Кингсли. - Она ушла. Она с ним. А это, считай, что, умерла.

Дэниел на мгновение представил, как превращает лицо француза, в неузнаваемое месиво.

- Мне понадобилось шесть месяцев, чтобы влюбиться в Мэгги, а в Элеонор я влюбился за шесть дней. А то, что она сейчас внизу глотает шахматные фигуры, чтобы привлечь Его внимание, доказывает две вещи: я и впрямь её упустил... и я сделал это очень зря.

Дэниел не стал ждать ответа Кингсли. Злой на себя самого потому, что Элеонор всё ещё волнует его спустя столько времени, он сбежал из дома Кинга, поймал такси и, отдав водителю всё, что было в кошельке, приказал ехать, пока не кончатся деньги.

Через два часа таксист высадил его перед домом. Голодный, уставший и всё ещё злой Дэниел уставившись в пол, вошёл в лифт и поехал в свой пентхаус. Как приедет, сразу переоденется. Переоденется и отправится на пробежку, чтобы хоть как-то избавиться от этого напряжения.

Сердито залетев в квартиру, он стянул рубашку по пути к спальне. И остановился в дверях, увидев на кровати голую девушку. Она стояла на коленях спиной к нему.

Длинные чёрные волосы, роскошное тело... Где он уже это видел?

- Ирина, как ты здесь оказалась? - спросил он без особого недовольства, что снова видит эту русскую красавицу.

Девушка повернула голову и лукаво улыбнулась.

- Скучал по мне?

Сердце Дэниела чуть не выскочило из груди.

- О Боже, Элеонор?

Глава 5

ПОЩЁЧИНА

- О, Боже... Элеонор?

От потрясения Дэниел едва дышал: Элеонор... нагая... на коленях в его кровати... усмехается так, словно знает тайну и хочет её рассказать...

- Не-а, это всего лишь я. Боже - один парень, и он никому не даёт.

Ушло почти целых десять секунд, прежде чем до Дэниела дошёл смысл её слов, и ещё десять, прежде чем поверил в её реальность.

Зато на то, чтобы добраться до Элеонор, ушла всего одна. Скользнув на кровать, он заключил девушку в объятья и так крепко прижал к себе, что она сделала вид, будто задыхается.

- Я тоже по тебе скучала, - сказала Элеонор, когда он, отстранившись, заглянул ей в лицо. - Что новенького? Ну, кроме очевидного.

- Что... что ты здесь делаешь?

- Ты прислал мне открытку из Огненной земли. Я как минимум должна была заглянуть и сказать «привет».

Дэниел взял лицо Элеонор в руки. Её глаза сияли чернотой ночи, и тело льнуло к нему.

- Привет, - сказал он и завладел её ртом в таком неистовом поцелуе, что понял: назавтра её губы распухнут. Ну и пусть. Если так она возвращает любезность за единственную открытку, жаль, что он не послал ей тысячи.

Его руки блуждали по её телу, скользили вниз по спине, обхватывали ягодицы, впивались в нежную кожу. Возвращая поцелуй с равным неистовством, она начала расстегивать ему брюки.

- Ты уверена? - спросил он и тут же пожалел об этом. Если окажется, что она не уверена, вряд ли он сумеет остановиться.

- Привет, мой голенький. Думаешь, я здесь ради пары партий в блэкджек?

- Игра называется чпокарь.

Элеонор рассмеялась, и этот смех заполнил собой комнату, квартиру, здание, весь город, и даже сердце Дэниела, которое так долго пустовало.

Запустив пальце ей в волосы, он поцеловал её снова. И снова. Не мог насытиться её ртом, вкусом её губ, дразнящими прикосновениями её языка.

- Даже не верится, что ты тут, - куснув за мочку, сказал он ей в ухо.

- Я услышала на лестнице твой смех. Не знала, что ты в городе. Кингсли не хотел говорить.

- Что ты сделала? Как узнала, что я здесь?

Элеонор снова рассмеялась низким, грудным, несколько зловещим смехом.

- Выбила из него адрес. Можно сказать, Кингсли даже понравилось.

- Ещё бы, но что насчёт... - он собирался спросить об её владельце, но она его оборвала.

- Что, будешь и дальше на меня давить, сэр? Или всё же побьёшь и оттрахаешь так, словно от этого зависит твоя жизнь?

Сделав глубокий вдох, он ощутил её запах... лилии, орхидеи...казалось, её кожа благоухает ароматами всех знакомых оранжерейных цветов. Да она и сама всегда была

как оранжерейный цветок... такая же красивая и дикая, но лучше всего чувствующая себя в неволе.

Жаль, что не удалось её удержать.

- Пожалуй, моя жизнь и впрямь зависит от этого.

- Что ж... - она скользнула руками по его голым плечам и заглянула в глаза. -

Тогда мы зря теряем время.

Она взяла его за руку и нежно погладила. Зарывшись лицом в изгиб её шеи, Дэниел простонал. Руки, о которых он мечтал полтора года, продевали с ним то же, что и прежде. Тонкие ловкие пальчики поглаживали член, нежно ласкали чувствительную промежность, забирались в штаны и обхватывали яички, он же тем временем стонал несдержанно, словно саб.

- Тебе нужно остановиться, или я кончу прямо у тебя в руках, - предупредил он.

- О нет. Что за трагедия.

- Она не исключается.

- Дэниел, даже если бы мне подали тебя в чашке, я бы её выпила, - преувеличенно игриво ответила она.

Дэниел её поцеловал, потому что иначе скатился бы со смеха с кровати. Он почти позабыл какой грязный у неё язычок. Нет, не то. Он помнит всё, что с нею связано, включая её любовь к эпатажу.

- Зачем нам чашка?

Она согласно кивнула.

- Ты задал очень хороший вопрос.

Элеонор толкнула его на спину, и он охотно поддался. Мэгги всегда начинала с губ и спускалась поцелуями по груди и животу, перед тем как приласкать внизу. Естественно, Элеонор не могла не перевернуть этот порядок с ног на голову. Сорвав с него джинсы, она швырнула их в стену картиным жестом матадора. Расставила ему ноги и поцеловала со внутренней стороны лодыжки. Поцеловала в чувствительную впадину прямо под четырёхглавой мышцей и, опустив голову, сильно куснула во внутреннюю часть бедра.

- Элеонор, веди себя прилично.

- Да, сэр, - обиженно надув губы, ответила она. - А, вы хотели сказать «будь панилькой». Слушаюсь, сэр.

Она обхватила его губами и подразнила языком. Боже, о лучшем нельзя было и мечтать. Полизывая и осыпая мучительно лёгкими поцелуями, она сосредоточилась на головке, и только. Дэниел протянул руку вниз и, накрыв её запястье, которое лежало у него на бедре, переплёт их пальцы. Реальная... Элеонор была реальной и тёплой, она была здесь и, о Боже, сосала член так, словно истосковалась по Дэниелу точно так же, как он сам истосковался по ней. Впрочем, он не мог позволить себе поверить, что это так. Однажды она уже предпочла ему своего хозяина и сделает это снова. Во время игры в шахматы глаза этих двоих сияли любовью. Не понятно, почему она пришла, но какая разница. Ему остаётся лишь принять всё как есть и наслаждаться.

Да будет так.

Элеонор поднялась на колени и облизала нижнюю губу.

- Ты прав. Чашка лишняя, сэр. - Она забралась по его телу и рухнула ему на грудь.

Он её обнял и прижал.

- Я до сих пор не могу поверить, что ты здесь.

- Я здесь. Ты здесь. Но я не могу остаться надолго.

- У тебя отпуск? Или ты в самоволке?

- Назовём это увольнительной на берег, раз уж ты перешёл на армейские термины.

Дэниел, хохотнув, ущипнул её за плечо.

- Ты слишком много времени провела с Кингсли.

- Вернее и не скажешь.

Она подняла лицо вверх, и Дэниел ощутил на её губах собственных вкус. От смеси её сладости и своей же солёности у него снова вскипела кровь. Толкнув девушку на спину, он пригвоздил её запястья к кровати.

- Знаю, ты сегодня к нему вернёшься, - Дэниел, нагнувшись, слегка всосал каждый из её сосков, после чего проложил дорожку из поцелуев к ямке на её горле, - но ты прихватишь с собой мои отметины.

Беспомощно придавленная его телом, она тяжело дышала.

- Да, сэр.

Он за руку стянул её на пол и поставил у изножья кровати.

- На колени, - приказал он, и она опустилась на колени.

В тот миг он мог лишь смотреть на неё и упиваться зрелищем женщины, о которой мечтал... коленопреклонённой у изножья его кровати... чья спина - чистый холст, ждущий, когда он разукрасит его ударами. Ничто на свете не заводит сильнее, чем зрелище женщины на коленях перед мужчиной, которого она обожает. И хотя на коленях стоит Элеонор, это он рабски склоняется к её стопам.

Из-под кровати Дэниел вытащил большой чемодан, очень похожий на те, что Кингсли держит в спальнях своего дома.

- Руки на верхнюю перекладину, - приказал он, и Элеонор схватилась за металлическую раму кровати.

Дэниел встал сзади и приковал её запястья.

- С этой кроватью у меня связаны самые тёплые воспоминания, - отводя волосы со спины Элеонор, сказал он. - Мы с Мэгги покупали её вместе. Она на всякий случай легла и опробовала крепость рамы, чем в тот день немного напугала продавца мебели.

- Жаль, что мы с ней не были знакомы, сэр.

- Ты мне её во многом напоминаешь. - Дэниел опустился сзади неё на колени и поцеловал в затылок. Его руки, скользнув по бокам, погладили ей живот.

Лишился произнеся эти слова, он осознал, насколько они верны. Сила духа Элеонор, её чувство юмора, её бунтарский дух, который так приятно было попытаться укротить - в этом так много от Мэгги.

- Спасибо за комплимент, а я знаю, что это он, сэр.

Вместо ответа Дэниел просто прижался губами и её спине и, помедлив, куснул Элеонор между лопаток.

Она, дёрнувшись, вскрикнула от боли.

- Просто пометил цель, - прошептал он ей на ухо, встал и вынул из чемодана кнут для верховой езды.

Досчитав в уме до шестидесяти, Дэниел нанёс ей первый удар. Она дёрнулась, металлы наручников лязгнул о металлическое изножье кровати. Музыка для ушей.

Её спину пересёк красный как ожог след длиною в шесть дюймов. Дэниел ударили её во второй раз и в третий. На десятый она, наконец, сломалась и вскрикнула. После двенадцатого он остановился.

Он упал на колени позади неё и прижался грудью к ей пылающей спине.

- Тебе понравилось? - уткнувшись лицом ей в волосы, спросил он.

- Охренительно больно, сэр, но понравилось.

Дэниел расстегнул её наручники. Элеонор предупредила, что зашла ненадолго, и, не желая зря терять ни одной драгоценной секунды с ней, он подхватил её на руки и

отнёс в постель. Просто, чтобы снова услышать, как она рассмеётся, он бесцеремонно швырнул её на покрывало, схватил за лодыжки и подтянул к краю кровати.

Приблизился к ней на коленях, и, широко раздвинув ей ноги, проник пальцами внутрь. Нашёл губами её клитор и слегка пососал. Элеонор, выгнув спину, прижалась к его рту. Он знал много женщин, но такого вкуса... такого сладкого и вместе с тем резкого нет ни у одной, а её запах дурманит сильнее любого наркотика.

Почувствовав в себе его язык, Элеонор застонала. Ему до конца жизни не забыть, как впивались её каблуки в спину, и тепло бёдер на своём лице, пока он пытался испить её до последней капли. С губ Элеонор сорвалась почти нечленораздельная мольба, включавшая в себя слова «внутрь» и «сейчас».

Дэниел встал и, подхватив её под колени, проник внутрь. Он планировал не спешить, смаковать каждую секунду, но не смог и начал двигаться жёсткими, глубокими толчками, которые вскоре лишили его дыхания.

Элеонор развернула руки и запрокинула голову, приняв позу полной капитуляции. Продолжая двигаться в ней, Дэниел схватил её за горло.

Его пальцы нашли клитор и принялись нежно дразнить. Она ответила вполне предсказуемо, отчаянно хваталась за простыни, поднимая бёдра, затем на бесконечный миг напряглась всем телом, и её внутренние мышцы, сократившись, сжали его с такой силой, что едва ли не вытолкнули его из неё.

В то время, как Элеонор начала расслабляться под ним, Дэниел задвигался в ней ещё быстрее. Не каждая женщина могла справиться с такой мощью, но, несмотря на зависимость к её владельцу, который мешает им быть вместе, нельзя было не признать, что тот отлично её выдрессировал.

Дэниел сдерживался сколько мог, желая до бесконечности затянуть этот миг, эту возможность побывать внутри неё снова. Он выпустил её горло и, запустив пальцы в волосы на её затылке, заставил её посмотреть на себя, встретить свой взгляд. Затем вышел из неё и раздвинул ей ноги коленями, после чего кончил, глядя ей в глаза.

Когда напряжение понемногу спало, Дэниел рухнул на Элеонор и притянул её к себе. Она легко прошлась ноготками по его спине, и он со вздохом закрыл глаза. Этот простой бездумный жест навеял такие мучительные воспоминания о любви с Мэгги, что чуть его не убил. Дэниел ещё плотнее стиснул веки и попытался навсегда запечатлеть в памяти это совершенное мгновение.

- Ты что, собрался на мне заснуть? - поинтересовалась Элеонор, водя пальцами по его рёбрам.

- Нет, просто боюсь, что, если открою глаза, проснусь, и всё это окажется сном.

- Раз в нем участвую я, это, скорее всего, кошмар. Возможно, ты захочешь проснуться.

Дэниел покачал головой и медленно открыл глаза.

- Мой единственный кошмар с твоим участием, это, когда я просыпаюсь, а тебя уже нет.

Элеонор тяжко вздохнула, и Дэниел, наконец, с неё слез. Она натянула на себя одеяло, а он снял с себя всё, что ещё оставалось, и забрался к ней в постель. За возможность находить её в своей постели каждую ночь, он бы с лёгкостью пожертвовал по меньшей мере тремя частями телами.

Дэниел лёг на спину, а Элеонор растянулась у него на груди.

- Ты ведь знаешь, что я унаследовал после Мэгги безумную кучу денег? - под безумной подразумевалось что-то около пятидесяти миллионов долларов, по крайней мере там было столько, когда он в последний раз проверял.

- Ваша спальня больше, чем дом, где я выросла. Так я и подозревала.

- Мы могли бы уехать... отправиться куда угодно. Тебе бы больше никогда не пришлось работать. Ты могла бы...

- Бросить его? - спросила она, взглянув на Дэниела. - Нет, я не могу. Точнее могу, но не хочу.

- И всё же, несмотря на это, ты здесь...

- Я здесь потому, что мы провели вместе чудесную неделю. К тому же, я скучала по тебе, Дэниел, и Кингсли сказал, ты до сих пор скучаешь по мне. - Она села и подтянула колени к груди. - Однако, та неделя была единственной, всего лишь семь дней.

- Ты ведь католичка? - он перекатился на бок и подпёр голову рукой. - За семь дней создали целую вселенную.

- Если ты ещё не заметил, плохая из меня католичка, - сказала она, язвительно посмотрев на него.

- Либо, наоборот хорошая, смотря кого спрашивать.

- О, он всё время мне говорит, какая плохая из меня католичка. Правда, лишь потому, что любит меня вполне заслуженно наказывать. - На её лице мелькнула яркая, как сегодняшнее утро улыбка. - За то, что поразвлекалась с тобой сегодня, он меня жутко накажет. Скорей бы уже.

Дэниел погладил её по голой ноге.

- Ты его действительно любишь. - Это не было вопросом.

- Разумеется, он ведь мой самый лучший друг. Только не говори об этом никому. Кингсли бы не хотел, чтобы Блонди лишился своей скверной репутации. Как все знают, в нём под два метра роста, он садист, и, можно сказать, все его боятся просто до ужаса. Ну, кроме тебя, меня и Кинга.

- Ты зовёшь своего хозяина Блонди?

- Конечно. - Элеонор улыбнулась. - Просто не в лицо. Ну, и не очень часто.

Дэниел рассмеялся, потому что только смех мог удержать его от того, чтобы схватить её, подмять под себя и держать так, пока она не захочет его столь же сильно.

- Так нечестно, сама знаешь, - начал Дэниел. - Я бы мог тебе дать гораздо больше, чем он. И всё же...

- Дэниел, позволь кое-что спросить. Ты что, собираешься до конца своих дней жить прошлым?

Этот вопрос настолько удивил Дэниела, что он выкатился из-под Элеонор и привалился спиной к изголовью кровати, чтобы видеть лицо девушки.

- Нет. Больше нет. Послушай, а если бы он умер, что бы ты делала?

Элеонор, поджав губы, хмыкнула.

- При этом сценарии смерть произошла от естественных причин, или я всё же не выдержала и убила его во сне? И то, и другое равновероятно.

- От естественных причин.

Элеонор медленно вдохнула и выдохнула. Похоже, в кои то веки она отнеслась к разговору серьёзно. Она схватила и прижала к себе подушку, вцепившись словно для утешения.

- Я бы тоже умерла. Не физически, но той Элеонор, которую ты знаешь, больше не было бы.

- А есть другая Элеонор?

Она улыбнулась и кивнула.

- Ужасная мысль, знаю. Пожалуй, чтобы выжить, я просто взгляну на собственную жизнь, будто на что-то вроде актов пьесы. Как в старых фильмах... они были такими длинными, что приходилось перемежать перерывами. Элеонор... часть

первая. Думаю, эта девушка умрёт вместе с ним. Зато Элеонор, часть вторая дождётся, пока откроется занавес, выйдет на сцену и всем покажет.

- Охотно верю.

Элеонор подалась вперёд и погладила его по голове. Перед встречей Дэниел как раз постригся и, наконец, снова стал похож на себя самого. Теперь вопрос был только в том, когда он снова почувствует себя прежним.

- Мэгги умерла. Умерла больше четырёх лет назад. А я напоминаю её, поэтому ты меня так сильно хочешь. Мэгги умерла, и Дэниел, часть первая умерла вместе с ней. Может, её ты и отпустил, не знаю. Но я знаю, что его ты точно не отпустил. Не пора ли Дэниелу, часть вторая, выйти на сцену?

Он сердцем почувствовал правильность этих слов. Они причиняли больше боли, чем тот кнут, которым он недавно отходил её по спине. А, значит, были правдой, так как правда всегда болезненна.

- Я не знаю, какой он, - почти шёпотом признался Дэниел.

- Дэниел. Часть вторая – всё, чем был Дэниел. Часть первая, только мудрее, умнее и много сексуальнее. Нет, правда, чем ты занимался весь год? Ты такой твёрдый, что моё сердце может разбиться о твои мышцы.

Дэниел рассмеялся, почти покраснев от этого эротичного одобрения достоинств собственного тела.

- Это всё подъёмы в горы и экспедиции по тропическим лесам. Я исходил всю Южную Америку.

- Звучит не ахти.

- А мне нравилось.

Она в притворном ужасе содрогнулась.

Вот и мечтай после такого, как хорошо было бы иметь её спутницей во всех этих странствованиях в глухи.

- Так, может, расскажешь, что в жизни Дэниела, часть первая тебе нравилось больше всего? Только про походы не надо.

Дэниел, усмехнувшись, обдумал вопрос. Впрочем, в этом не было необходимости, он уже знал ответ.

- Мэгги. Тут нечего и думать.

- Потому что она была твоей сабой? Твоей собственностью?

- Потому что она была моей женой. Мне нравилась наша семейная жизнь. Нравилось выходить с ней в люди и говорить: «Познакомьтесь, это моя жена, Мэгги». Нравилось, когда она представляла меня, как своего мужа. О мужчинах ходит дурная слава, говорят, наш пол боится брака. Я не боялся. Женитьба на ней стала самым удачным решением в моей жизни.

Элеонор смотрела на него без улыбки.

- А теперь расскажи, что в жизни Дэниела, часть первая было самым худшим. И снова он уже знал ответ.

- Мэгги.

Похоже, Элеонор этот ответ ни капли не потряс.

- Почему?

Дэниел, медленно выдохнув, поправил подушку под спиной.

- Когда мы поженились, ей было тридцать девять. В медовом месяце исполнилось сорок.

В ярко-зелёных глазах Элеонор мелькнуло понимание.

- Боже, Дэниел. Так ты хотел детей?

Даже просто говорить об этом вслух казалось предательством памяти Мэгги. Но с Элеонор, он не мог ничего утаить.

- Я да, она - нет. Карьера была её жизнью. В конце концов, я собрался с духом и предложил кого-нибудь усыновить или удочерить... лучше бы не предлагал. А через неделю, она пошла на ежегодный медицинский осмотр и...

- Рак.

Дэниел кивнул.

- Тогда он был ещё, можно сказать, под вопросом.

Элеонор придвигнулась и нежно, понимающе погладила его подбородок, губы, лоб.

- Знаешь, даже если бы я его бросила, или если бы он умер, и я стала свободной...

- она замолкла, словно, собираясь с духом. - Дэниел, я бы никогда не родила тебе детей.

Он изумлённо вытаращился на неё.

- Эль...

Она покачала головой.

- Я не хочу детей. И не то чтобы хочу замуж. Порой в голове такая мысль мелькает, но это не моё. Даже пообещай я останусь с тобой... через полгода-год, вероятно, ушла бы. И причина была бы даже не в нём, а во мне.

- Почему ты...

- Почему я это говорю? Потому что это правда, и тебе надо её знать. То, что было у нас с тобой, - совершенство. Но это не так уж сложно, если речь всего о неделе. То, что было у тебя с Мэгги, - брак. То, что у нас с ним, тоже в каком-то роде брак. Но между тобой и мной? Не более, чем медовый месяц.

Эти слова ударили его, подобно лезвию тяжёлого ножа.

- Знаешь ли, ты такая же садистка, как и он, - пошутил Дэниел, надеясь, что она не услышит муку в его голосе.

- Я получила от него несколько ценных советов, как причинять боль. - Она выдохнула и улыбнулась. - Однако в мои намерения не входило тебя ранить. Я хочу тебе помочь. Тебе надо выбросить меня из головы. Ты сам знаешь, я не то, что тебе действительно нужно. Тебе нравилось быть мужем. Ты хочешь детей. Со мной ты этого не получишь.

Он молчал, лишь смотрел на неё невидящим взглядом. Кровать прогнулась, и он заметил уголком глаза, что Элеонор стала одеваться. Натянула на бёдра юбку, обула туфли на низких каблуках и застегнула блузку, даже ни разу не поморщившись из-за побоев. Несмотря на свои двадцать пять, девушка уже была прожженной профи.

- Знаешь, из тебя получилась бы чертовски хорошая Доминатрикс, - сказал Дэниел, когда Элеонор вернулась к кровати.

Та скрестила руки на пышной груди и приподняла бровь.

- Думаешь?

- Тут даже думать не надо.

- В прошлый раз ты говорил, что мне следовало стать писательницей.

Дэниел пожал плечами.

- Ничто не мешает заниматься тебе и тем, и другим.

Наклонив голову набок, она что-то промурлыкала себе под нос и постучала по подбородку.

- Я слышала идеи и похуже, но довольно о том, чем следовало бы заниматься мне. Чем собираешься заниматься ты?

- Выбросить тебя из головы, раз уж ты этого от меня хочешь.

- Неважно, чего хочу от тебя я. - Она снова пробежалась рукой по его волосам - с привязанностью и уважением, но без любви. По крайней мере, без той любви, что хотелось бы. - Важно лишь одно: чего хочешь ты сам. Чего ты хочешь?

Дэниел невесело хохотнул.

- В тот день, когда я похоронил Мэгги, твой хозяин задал мне тот же самый вопрос.

- Надеюсь, теперь у тебя появился другой ответ.
Он призадумался.

- Ты права, я и в самом деле хочу снова жениться. Хочу с кем-нибудь детей. Боже, даже не важно, моих или её, усыновлённых или просто взятых на воспитание. Я хочу полный дом детей. Всегда хотел.

- Тебе всего тридцать восемь. - Она прикоснулась к его щеке. - Ты богатый. И сексуальный, чуть ли до неприличия. В этом мире найдутся женщины, которые охотно лягут с тобой в постель чисто ради того, чтобы заполучить в себя твоё ДНК на девять месяцев.

Вздохнув, он покачал головой.

- Я буду по тебе скучать. А когда перестану, буду тосковать о том, как по тебе скучал, - сказал Дэниел и стал уповать на то, что эти слова не покажутся ей чушью.

- Я тебя не люблю, хотя где-то об этом и сожалею. Надеюсь, это тебя утешит.

- Немного утешило, но самую малость.

- Мне пора. Пижамная вечеринка у Кинга.

От нахлынувшей зависти, Дэниел чуть не застонал.

- Разве у Кингсли мало саб... некому составить компанию?

- Да нет, хватает, но они все дермовые. Тупые сучки... думают, раз у них есть копия «Основного инстинкта», это делает их сексуальными извращенками. Аня - единственная стоящая саба женского пола, побывавшая в его доме за два года, только она неприкосновенна.

- Аня? Стоящая саба? Да я в жизни не встречал более темпераментной особы. Невзлюбила меня с первого взгляда.

Элеонор неподдельно удивилась.

- Правда? А по мне милейшего человека не найти. Она слишком милая, чтобы тусоваться с такими извращенцами, как мы. Разумеется, о тебе можно сказать то же самое. Так она показалась тебе стервозной?

- И ещё как.

- Хм... интересненько. Похоже, она в тебя втрескалась.

- По её поведению не сказал бы.

- Так и я о том же. Она мила со всеми, кроме тебя. С чего бы?

Дэниел встал с кровати и поднял с пола джинсы.

- Неважно. Она недосягаема, ты сама сказала. Дурацкий аукцион.

- Крайне дурацкий аукцион. Девчонка из-за него от страха с ума сходит. Даже Кингсли ей сказал, не хочешь, не участуй. Но она полна решимости через него пройти. Последняя девственница выручила за себя на аукционе почти триста тысяч долларов. Кинг показывал мне бумаги. А та девчонка не была и в половину такой красивой, как Аня.

Дэниел присвистнул. Да, это не мелочь.

- Надеюсь кто-нибудь втолкует ей, как это неразумно.

- Вот и попытался бы.

Застёгивая молнию, Дэниел смерил Элеонор строгим взглядом.

- Сама знаешь, я тут Доминант. Не ты.

В ответ Элеонор выгнула бровь, уголок её рта дёрнулся в улыбке. Вскинув подбородок, она направилась к Дэниелу и остановилась всего в нескольких шагах от него.

- Вот как? - спросила она с затаённой угрозой. - Ты тут доминант?

Он шагнул к ней, приблизившись практически вплотную, и смерил лучшим из своих «ой»-взглядов.

- Да.

Элеонор без предупреждения замахнулась и ударила его по щеке - достаточно сильно, чтобы обжечь, достаточно легко, чтобы оскорбить.

- Ну так веди себя соответственно.

Она дала ему пощёчину. Действительно дала пощёчину. Как он сам давал Мэгги раньше тысячи раз - быстро и преднамеренно, достаточно сильно, чтобы привлечь внимание, но недостаточно, чтобы было по-настоящему больно.

- Ну что ж.

Прижал девушку к стене, Дэниел задрал ей юбку. Элеонор понравилась дополнительная мускулистость, которую он приобрёл в походах по Южной Америке, так что он пустил её в дело. Стремительным движением сорвал с неё трусики, ещё одним толчком приподнял в воздух и, прижал к стене, глубоко вошёл внутрь.

Целовать он её не стал. Не шептал и возбуждающих слов на ушко. Просто трахал как можно жёстче и получал удовольствие от её покорности. При каждом безжалостном толчке его бёдер она вздрагивала в его руках. Её ногти впивались в плечи, ноги сжимали талию. Он сильно толкнулся и кончил внутри неё, в последний раз ставя свою метку.

Элеонор цеплялась за его плечи даже после того, как он вышел и опустил её на пол.

- Ладно, - тяжело выдохнула она, поправляя юбку трясущимися руками. - Ты тут доминант.

- Так то лучше.

- Но с Аней тебе всё-таки поговорить стоит.

Дэниел громко рассмеялся. Возможно, однажды он и найдёт женщину, которая его полюбит, выйдет замуж, родит детей. Однако ни одна женщина в мире не сравнится с Элеонор в способности его рассмешить.

- Слушаюсь, госпожа.

Элеонор закончила поправлять одежду, сделала глубокий вдох и кивнула.

- Ну, я пошла. А то затрахаешь меня до смерти.

- Не самый плохой способ умереть.

- Да, так я и собираюсь уйти. - Она направилась к входной двери. Открыв, приостановилась и оглянулась. - Я буду по тебе скучать. Правда, буду... долго. Пока ты не появился, я и не думала, что у меня возникнет искушение его бросить.

- Обещаю, что перестану тебя любить, но не жди, что я перестану его ненавидеть.

- Не знаю, заставит тебя это к нему подобреть или нет, но... мой сегодняшний приход сюда... Как думаешь, чья это идея?

Дэниел заглянул ей в глаза и увидел ответ: тот же человек, по поручению которого она пришла в первый раз. Оба замолкли. Повисла тишина. Затем Элеонор просто ещё раз улыбнулась и ушла из его квартиры и его жизни.

Навсегда.

Несколько минут Дэнил бесцельно бродил по квартире. Без Элеонор тут стало так пусто. Что теперь делать? Он поднял руку к лицу и вспомнил, как горела щека после пощёчины Элеонор.

Ты тут доминант? Ну так веди себя соответственно.

Веди себя соответственно. Он сможет. Уже знает, с чего начнёт. Вернувшись в спальню, Дэниел отыскал бумажник и выкопал из него визитку Ирины. Затем схватил телефон, и торопливо набрал номер девушки.

После двух гудков раздался знакомый голос.

- Ирина, это Дэниел. Пожалуйста, не спрашивай, зачем я спрашиваю. И да, это не то, что ты думаешь.

- Уже заинтриговал, - ответила красавица-русская. - Спрашивай, чего уж там.

- Не подскажешь, где живёт Аня?

Глава 6

ВЕДИ СЕБЯ СООТВЕТСТВЕННО

Следующим вечером Дэниел отправился вылавливать и образумливать Аню. Ирина согласилась сообщить адрес девушки, в обмен на обещание, что снова испытает, какова жизнь на обратном конце кнута. В любом случае, встречи с русской, да и вообще с другими людьми были сейчас кстати. Дэниел пообещал Элеонор, и самому себе, выбросить её из головы. И хотя его сердце порой ведёт себя неразумно, он не настолько глуп, чтобы не распознать безнадёжный случай, когда тот прямо перед глазами.

Однако ситуация Ани не безнадёжна. До аукциона ещё три недели. Наверняка за это время ему удастся убедить девушку, что никакие деньги не стоят того, чтобы отдать девственность абсолютному незнакомцу. Если бы была хоть какая-то надежда, что Аня примет их от него, он бы просто выписал ей чек на сумму, нужную для её братьев и сестер. Учитывая, что девушка не приняла даже приглашения на ужин, попытка решить дело деньгами казалась довольно бессмысленной. Хуже того, Аня, вероятно, возненавидит его за это проявление жалости. Возненавидит ещё сильнее, чем сейчас, если такое возможно.

Он ехал по адресу, который дала Ирина. После того, как Дэниел оставил горы ради этого города, в его жизни было не так уж много физических нагрузок. К тому времени, как он добрался до двери Ани, он чувствовал себя так, будто снова покорял Анды. Неудивительно, что у девчонки такие чудные ножки. Кому нужны горы или спортзал, если этот кто-то живет на седьмом этаже?

- Кто там? - с характерным акцентом спросила из-за двери Аня.

Голос её сначала показался Дэниелу каким-то другим. Ну конечно, догадался он. Она ведь не знает, кто стучит в дверь. Эти два коротких слова - первые, в которых нет ни тени ненависти.

- Селин Дион.

Он улыбнулся, услышав пинок в дверь, и стал терпеливо ждать, пока Аня откроет два засова и цепочку.

Квартира была не в самом безопасном районе. Даже становилось как-то не по себе от мысли, что такая молоденькая девушка живёт совсем одна среди, мягко говоря, не лучшего окружения. Неужели Кинг не мог подыскать ей что-то другое?

Дверь распахнулась, и перед Дэниелом предстала рассерженная Аня в шёлковой пижаме в китайском стиле. Даже длинные рыжие волосы девушки были забраны наверх и сколоты двумя палочками для еды.

- Ты что, никогда нормальную одежду не носишь? - спросил он.

- Некоторым не всё равно, что на них надето. - Аня смерила его подчёркнуто суровым взглядом. Уж ты-то точно одеваешься в темноте, словно говорил он. - А некоторым, как видно, до этого нет дела.

- Эй, на мне дизайнерские джинсы, - сказал он, просто чтобы её позлить.

Она выгнула бровь:

- Дизайнерские джинсы? Это оксюморон.
- И впрямь оксюморон, - передразнивая её акцент, согласился Дэниел.
Аня скрестила руки на груди.
- Ты зачем пришёл, посмеяться над моим выговором? Не помню, чтобы тебя приглашала.

Дэниел примирительно улыбнулся.

- Прошу прощения. Как по мне, у тебя прелестный акцент. Просто я не способен находиться в обществе такой красавицы, как ты, без того, чтобы хоть как-то не подколоть. Я и зашёл-то всего на несколько минут, переговорить. Лучше в квартире, но могу постоять и в коридоре, если ты так хочешь.

Тяжело вздохнув, она отступила в сторону, пропуская его внутрь.

- Очень мило, - сказал он, оглядев её маленькое, но ухоженное жилище.

Несколько кресел с наброшенными на них изящными шерстяными покрывалами кружевной вязки; на деревянном полу старый, но красивый ковёр. Ни телевизора, ни компьютера... просто книги в крашенных белых шкафах и повсюду аккуратно сложенные стопки тканей.

- Не сомневаюсь, ты живёшь совсем по-другому. Но эта квартира моя. Моя и Леонарда.

Она показала на кресло, и только начал Дэниел в него опускаться, как оно пошевелилось.

Дэниел тут же выпрямился, а маленький серый кот полосатого окраса сонно поднял голову, смерил его презрительным золотистым взглядом и снова накрыл голову лапой.

- Привет, Леонард. - Дэниел смотрел сверху вниз на спящего кота. - Занятое имя.

- Показалось подходящим. - Аня села на двухместный диванчик, взяла кусок ткани и нитку с иголкой. - Я нашла его год назад совсем котёнком. Он сидел в переулке, под синим плащом.

Дэниел не сразу связал синий дождевик из аллеи с известной песней Леонарда Коэна.

- А, ясно. Я и забыл, что автор «Синего плаща» из Квебека.

- Мама бывало пела дома его песни, но только когда не было отца.

- Ему не нравилось, что она поёт?

- Он терпеть не мог английского у себя в доме, даже если это музыка. Мама обладала прекрасным голосом, только далеко не таким низким, как у Леонарда. - Аня улыбнулась, сделав стежок.

- Да уж, такой голосок ей бы не подошёл. Жаль, что так вышло с твоей мамой. Должно быть, тяжело было её потерять.

Милая улыбка потухла, и Дэниел выругал самого себя. Он сказал ровно то, чего не следовало говорить.

- Non, это было легко и замечательно. - Она вонзила иглу в ткань.

Дэниел уже жалел, что пришёл. Вот и верь после этого Элеонор с её теорией, что Аня в него якобы влюбилась.

- Моя жена... - начал было он и тут же осёкся, поскольку в янтарных глазах Ани мелькнуло потрясение. - Она умерла чуть больше четырёх лет назад.

Дэниел стал гладить Леонарда, и, наконец, маленький кот, неохотно встав, освободил ему место на подлокотнике.

- Не знала, что ты был женат. - Аня села в позу лотоса и расправила на коленях ткань. - Жаль, что так вышло с твоей женой. Наверное, она ушла совсем молодой.

- На самом деле она была на четырнадцать лет старше. И всё же ты права, она ушла слишком молодой, как и твоя мать. Но толку об этом говорить?

Пожав плечами, Аня протянула иголку сквозь ткань. Дэниел почувствовал на ноге кошачьи лапы: Леонард развернулся и потягивался у него на коленях.

- Это всё ты виноват, - щёлкнув кота по лбу, сказал Дэниел.

Аня тихо рассмеялась, и он ей улыбнулся. Она чуть было не ответила тем же, но опомнилась и снова отвела взгляд.

- Значит, ты решил заглянуть в мою жалкую лачугу. С чего бы вдруг?

- Ну, не такая уж и лачуга. Вообще-то тут вполне мило. Правда, я думал, все сабмиссины Кингсли живут под одной крышей. - Кингли держал ещё один дом: исключительно для своих любимчиков. Несколько лет назад Дэниелу довелось там побывать. От такого количества услужливых красавиц, как в том изящном особняке, пустил бы слюнки сам Хью Хеффнер, основатель «Плейбоя» и отец мировой эротики.

- В этом притоне разврата? - фыркнула Аня. - Non, merci. Нам с Леонардом такое не подходит. Даже в Содоме с Гоморрой меня не так сильно отвлекали бы от работы.

- Так ты и на дому работаешь?

Она встала и подошла к нему.

- Разумеется. Бездельничай я, как сейчас, мне пришлось бы спать у синьора Витале. Вытяни руку.

Дэниел недоуменно посмотрел на неё.

- Что ты собираешься со мной делать?

Вместо ответа он получил лишь сердитый взгляд.

- Ладно. - Он вытянул руку, и, приложив к ней рукав пиджака, Аня стала его тщательно изучать. - Что-то не так?

- Да нет, просто... нелегко подогнать такую ткань под плечи вроде твоих.

- Вроде моих?

Аня вернулась к своему месту на диване и подобрала под себя ноги.

- Oui. - Она снова начала шить. Её щёки залил слабый румянец.

- И какие же у меня плечи? - спросил Дэниел, отказываясь оставлять эту тему. Он никогда не видел, чтобы женщина краснели более прелестно.

Аня что-то буркнула по-французски. Он наклонил голову к плечу.

- Что? Я, кажется, не расслышал.

Аня с досадой выдохнула.

- Я сказала, что у тебя очень широкие плечи, и уложить ткань порой сложно.

Дэниел подавил улыбку.

- Что ж, я извиняюсь за свои очень широкие плечи.

Она встрихнула головой и из-за палочки для еды выскользнула, упав на щеку, прядка. Заправив её за ухо, Аня метнула на него быстрый, смущённый взгляд, после чего снова опустила глаза на работу.

- Я очень занята, как видишь. Чем могу быть полезна? Или ты просто заглянул поглязеть, как я шью?

- Я пришёл поговорить об аукционе, но глазеть, как ты работаешь, по-своему приятно.

Аня не ответила, только покраснела ещё сильнее.

- Насчёт аукциона... - продолжил он, и Аня, отложив шитьё, встала. - Ты так молода. Не сомневаюсь, после смерти матери ты чувствуешь ответственность за судьбу братьев и сестёр, но ты не обязана...

Аня что-то взяла с книжной полки и, подбежав к нему, сунула в руки. Опустив глаза, Дэниел увидел фотографию в рамке. На одном единственном диване шестеро детей улыбались в камеру. Ну ладно, улыбались две из трёх девочек. Старший и

младший из парней в притворном гневе строили гримасы друг другу. Средний - делал вид, что пытается их разнять. Старшая из девочек, Аня, ещё подросток, обняла самую младшую сестру и чуть ли не с грустью смотрела в камеру.

- Фотографию сделали за несколько месяцев до маминой смерти. Я старше на четыре года, единственная, кому сказали, что она умирает.

Дэниел разглядывал лица - такие юные и невинные. При виде стольких детей, которым вот-вот предстоит лишиться матери, у него болезненно сжалось сердце. Они были так похожи на Аню янтарными глазами, хоть и не обладали её яркой красотой.

- Мне так жаль, - повторил он. - Такого никому не пожелаешь, но...

- Не надо. Оставь. - Она выхватила фото из его рук и прижала к груди. - Отец всё время работает, а когда не работает, исчезает куда-то, чтобы бороться за освобождение Квебека...

- Да, знаю, от засилья канадцев.

- Оui. Братья с сёстрами его даже ни разу не видели. Этьен махнул рукой на университет. Думает, что должен оставаться дома и заботиться об остальных. Я посылаю деньги ему, потому что отец оставил бы их себе. У меня есть возможность помочь родным, и я не собираюсь её упускать. Ты меня не отговоришь.

Аня вернулась к книжной полке и Дэниел, встав, последовал за ней.

- А твой брат знает, что ты собираешься сделать ради его возможности учиться? Взял бы деньги, если бы знал?

- Да что ты в этом понимаешь? - спросила она, осторожно возвращая фотографию на полку. - Ты ведь богатый, как monsieur. Откуда тебе знать, каково ничего не иметь.

- Я не богатый, богатой была моя жена. Я же, когда мы встретились, работал в библиотеке, делил квартиру с двумя соседями и выплачивал шестизначный кредит на образование. Моя начальница так меня домогалась, что рядом с ней Кингсли показался бы Святой Девой Марией. А я молчал и терпел, потому что боялся лишиться работы и того крохотного жалования, благодаря которому балансировал на грани нищеты.

- Значит, ты женился на богатой женщине старше себя ради её денег. Секс в обмен на деньги. Ну и какая между нами разница?

Дэниел раздосадовано стиснул зубы. Много ему встречалось женщин, но такой упрямой и выводящей из себя, как Аня ещё не было. Он уже было хотел сдаться, уйти, умыть руки, но вдруг вспомнил слова Элеонор о том, что Аня безумно боится аукциона. И потом, Элеонор дала ему пощёчину и сказала, чтобы вёл себя как подобает доминанту.

Дэниел сделал глубокий вдох. Доминант. Он справится. Возможно.

Он посмотрел в глаза настороженно следившей за ним Ане. Вероятно, она думала, что зашла слишком далеко, обвинив его в женитьбе на деньгах. И, пожалуй, ему стоит развеять это заблуждение.

Он шагнул влево и, заключив Аню в клетку, упёрся руками в книжный шкаф. Девушка, потупившись, попыталась отступить, но ей помешали полки.

Дэниел приблизился ртом к уху Ани:

- Я трахнул жену в первый день нашей встречи. Я понятия не имел, ни кто она, ни сколько у неё денег. Не знал. Не интересовался. Единственное, что я знал, что хочу ее, поэтому взял желаемое.

Аня сделала быстрый вдох, вдох, от которого её губы, словно задрожали.

Он неспешно придвинулся, и теперь их тела разделяла только ткань.

- Я был никем, - прошептал он ей на ухо. - Просто работал допоздна и старался не попадаться своей ужасной начальнице, чтобы та не изыскала повод схватить меня за задницу. А затем в зал картографии вошла и улыбнулась мне потрясающая

женщина. Мы поговорили пару минут... или это она говорила, а я лишь делал вид, пока в фантазиях трахал её на ближайшей горизонтальной поверхности.

Аня подняла взгляд. Глаза у неё были потемневшие, лицо разрумяненное.

- Я предложил ей экскурсию по библиотеке. Она сказала, что хочет её увидеть ночью. Действительно вышло довольно романтично: почти полностью выключенный свет, книжные штабеля теряются в тенях. Я поцеловал её у четырёхсотого - там у нас хранились книги по языкам. Весьма подходящее соседство, учитывая, что она выделяла языком у меня во рту.

Аня тихо, напряжённо рассмеялась.

- На семисотом, «творчество и отдых», я прижал её к полкам и забрался рукой под платье.

Подойдя ещё на шаг, Дэниле вжал Аню в полки. Ей бы запротестовать, оттолкнуть, сказать что-нибудь, чтобы остановить его. Но она продолжала молчать. Они стояли друг к другу так близко, что он чувствовал, почти слышал, как лихорадочно бьётся у неё сердце.

- Под платьем она носила чулки на подвязках... совсем как ты, когда я пришёл на примерку.

Глаза Ани округлились.

- Да, я заметил. Когда ты в комнате, на твои ноги невозможно не смотреть. У Мэгги они тоже были изумительными. И она обхватила меняими за талию, как только я расстегнул штаны. Стонала так громко, что пришлось зажать ей рот, иначе нас бы услышала вся библиотека.

У Ани вырвался тихий горловой всхлип. Пусть она девственница, но точно не ледышка.

- Позднее она рассказала, что когда я закрыл ей рот ладонью, это оказалось небывало эротичным. Особенно после того, как я засунул палец ей в рот и велел кусать, только если захочет меня остановить. Нам обоим было неудобно трахаться у стеллажа, но мы никогда в жизни не испытывали более сильного оргазма. После нескольких дней и приблизительно четырёх десятков совокуплений она, наконец, рассказала мне о своей работе и деньгах. А я ответил: «Повезло тебе. Теперь раздевайся и становись на четвереньки». И она подчинилась.

Дэниел нежно повернул Аню за щёку, заставляя посмотреть себе в глаза.

- Ты бы не ошиблась, если бы обвинила меня в женитьбе ради секса. В то время деньги меня совершенно не интересовали. И это до сих пор так. По-моему, мой брак с женой и твоя продажа девственности - очень разные ситуации. Я хоть ни о чём не жалею, а вот ты, скорее всего, будешь.

Дэниел прошёлся пальцем по изгибу её щеки, и Аня закрыла глаза.

- Не важно, - едва дыша, ответила она. - У меня нет выбора. Им нужен шанс вырваться из отцовского дома. И, возможно, я не пожалею. Вдруг мне понравится.

- Думаешь, тебе понравится во всём подчиняться незнакомцу? А что если он окажется опасным?

Аня непокорно вздрогнула подбородок.

- Мне не впервые.

- Так ты уже была с доминантом?

- Oui. - В её голосе сквозила гордость.

- Расскажи, - приказал Дэниел.

Она нервно сглотнула.

- Я хотела... - начала она и осеклась, судорожно вздохнув. - Я должна была понять, правда ли я такая, как думаю. Девчонкой у меня мелькали всякие мысли. Однажды я поделилась ими с подругой... мне было четырнадцать. Она назвала меня

сумасшедшей. Тогда-то я и поняла, что не все девушки чувствуют то же, как я, хотят того же, как я.

Дэниел понимающее кивнул, ему вспомнились собственные подростковые годы и фантазии о женщинах и сексе - фантазии, которые были проблемой, хоть и возбуждали, чуть ли не до помрачения рассудка.

- И кому ты подчинялась? - спросил он, хотя уже догадывался.

- С Monsieur-ом, - прошептала она. - Всего раз.

Кингсли... вот счастливчик этот французишка.

- И что он с тобой делал?

- Ничего, - покачала головой Аня. - Он ко мне даже не прикоснулся.

- Доминанту не обязательно к тебе прикасаться, чтобы доминировать, - продолжил Дэниел, на этот раз как можно более строгим голосом. - Что он с тобой делал? Рассказывай.

Должно быть, воспоминание было ещё тем, потому что её лицо покраснело. Пульс Дэниела пустился вскачь, в штанах стало тесно... В голове проносились мысли, воображение рисовало различные сценарии. Он так и видел десять-двенадцать штучек, которые хотел бы проделать с покорной Аней... штучек, от которых она бы не утратила девственности, но определённо стала куда менее невинной.

- Он... на меня смотрел.

Дэниел резко вздохнул, представив картинку, связанную с этими четырьмя словами. Впервые он увидел Аню в матросском платьице... на высоких каблуках в носочках с кружевными рюшами... Он, словно в живую, видел, как она засовывает руку под это платьице и стягивает с себя трусики. Кингсли наверняка потребовал отдать их ему, уж он-то его знает. Наверняка приказал ей лечь на постели или одну из его хлипких кушеток. Наверняка встал над Аней и смотрел, как она задирает платье, раздвигает ноги и начинает себя ласкать.

- Кингсли приказал тебе для него мастурбировать. И что, ты согласилась?

- Oui, - практически прошептала она, но Дэниел услышал.

- Тебе понравилось ему подчиняться? Делать, что он просил?

- Я такая, как есть. Теперь это знаю. Мне надо было выяснить.

- Да, ты такая, - повторил он. - Ты сабмиссив. Значит, думаешь, ничего такого, если полный незнакомец станет тобой помыкать... избивать тебя, трахать? А что, если попадётся садист, повёрнутый на кровавых играх? Любитель насиливать или душить? А, может, и того хуже, нарвёшься на уродливого канадца вроде меня.

Аня нервно хохотнула.

- Я сказала Кингсли, чтобы не допускал канадцев к борьбе за этот лот.

- Да, пожалуй, девушка должна придерживаться определённых стандартов.

Дэниел отстранился, выпуская её из оков своих рук. Она вернулась к дивану, взяла на руки Леонарда и прижалась к себе, баюкая как ребёнка. Кот выглядел растерянным, но не вырывался. Дэниел тоже не стал бы вырываться, если бы оказался в кольце её рук.

- Я признательна тебе за то, что ты говоришь. Знаю, тебе кажется, ты пытаешься помочь. Это... мило.

Дэниел чуть не рассмеялся. Ну и долгая же ей понадобилась пауза, чтобы выдавить из себя «мило»!

- Но?

- Но решение уже принято. Я могу за одну ночь заработать больше, чем за три года у сеньора Витале. И я не собираюсь становиться проституткой. Это всего на одну ночь.

- Я лишился целомудрия с девушкой по имени Элли Ланфорд. У неё были красивые каштановые кудри и большие голубые глаза. Мы с ней дружили с пятого класса и это были самые эротичные пять минут за всю мою тогдашнюю пятнадцатилетнюю жизнь. Пожалуйста, не отдавайся ради денег в первый раз незнакомцу. Что если он тебя физически обидит?

А то и хуже.

Но последнюю фразу он вслух не сказал.

- Переживу как-нибудь. Зато Этьен в этом году сможет пойти в школу, и Мари через год.

- А когда деньги закончатся, снова позволишь Кингсли выставить тебя на продажу?

- Не забывай, - чуть ли не выпалила Аня, - он и тебя продаёт. Мне хоть деньги нужны, а у тебя какое оправдание?

Дэниел тотчас пожалел о своём выборе слов. Считалось, что он сам тоже выставил себя на этот дурацкий аукцион. Дэниел начал было извиняться, но Аня не дала ему закончить, указав на дверь.

- Тебе лучше уйти. Мне надо закончить твой костюм. Ты не родился богатым, но сейчас богат, а кое-кому по-прежнему приходится зарабатывать на жизнь.

Дэниел долго смотрел на неё и колебался. Может, остаться, попробовать донести до неё свою точку зрения? Впрочем, он достаточно прожил в браке и успел понять, что в противостоянии с женщиной порой доблестнее отступить. Он прошёл к двери, почесал кота за ушами и глянул на Аню.

- Добавлю лишь одно... сколько бы за тебя не дали, этого мало. Кое-что в этой жизни ценнее денег. Самоуважение, например.

Аня кивнула, но отнюдь не в знак согласия.

- У меня пять братьев и сестёр, и человек, с которым они живут, даже не помнит, когда у них дни рождения. Самоуважение это не для меня. Пожалуйста, Дэниел, уходи.

В её глазах блестели непролитые слёзы. Хотелось остаться, обнять её, удержать от худшей в жизни ошибки, но вместо этого он внял просьбе и ушёл, оставив Аню с Леонардом одних.

Раздосадованным как никогда в жизни Дэниел покинул квартиру Ани и вернулся в собственную. Ночью он почти не спал, раз за разом мысленно прокручивая свою провалившуюся миссию по спасению Ани от её же упрямства. Обычно он спал, как убитый, но сейчас, сколько бы не увещевал себя доводами рассудка, не мог выкинуть из головы янтарные глаза девушки и её безрассудную решимость спасти своих братьев и сестёр, продав себя с аукциона. Ей двадцать два. Взрослая женщина. Явно неглупая. Имеет полное право поступать как злагорассудится. Раз ей так хочется, что ж, так тому и быть. Он сделал, что мог. Не помогло. Пора двигаться дальше.

Так почему же он до сих пор не мог уснуть?

На следующий день Дэниел встал рано и отправился в Центральный парк на долгую пробежку. Может, если он себя измотает, сегодня будет спать лучше. По пути домой он остановился у отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки, в котором работал, когда впервые увидел Мэгги, и ностальгия одержала над ним верх. Дэниел зашёл внутрь.

Оглядевшись, он улыбнулся. Так мало изменилось с тех пор, как он работал тут сразу после магистратуры. Господи, пахнет и то также. В воздухе витает аромат старых книг более сладостный, чем любые духи. Сами книги не менее прекрасны, чем их содержимое. Чувство, с которым держишь их в руках, их приятная тяжесть, кожа обложек, затейливые узоры переплётов... он никогда не был мастером переплётного

дела, но с величайшим удовольствием брал разваливающийся старый шедевр и постепенно возвращал его к жизни.

Не в силах остановиться Дэниел добрёл до четырёхсотого, в секцию языков, где когда-то впервые поцеловал Мэгги. Тогда он сделал это без предупреждения, в порыве страсти, и к его удивлению она прижалась к нему всем телом с таким пылом, с таким голодом, что он был готов взять её здесь и сейчас. Однако отстранился, так как слишком ей дорожил и не желал давить, торопить или всё испортить, зайдя слишком далеко всего через двадцать минут после знакомства. Выдержки хватило до семисотого, Искусства и отдых.

Всё то время, пока её трахал, он не мог поверить, что эта невероятно красивая и несомненно крайне образованная женщина, обхватила его, двадцатисемилетнего ногами за талию и сжимает его член туго, словно перчатка. Всё, что он рассказал Ане, было правдой. Он закрыл Мэгги рот ладонью, чтобы заглушить её стоны. Засунул палец ей в рот и велел укусить, если она захочет прекратить... иначе пощады не жди. Дэниел даже помнил, как где-то в глубине души желал, чтобы в ту ночь его ужасная начальница Пейдж оказалась на работе и увидела, как он занимается с другой женщиной тем, чего та сама так откровенно от него хотела.

Пейдж... Дэниел чуть не рассмеялся, заметив у колонны свою прежнюю начальницу в обществе какого-то молодого парня. Она и раньше особо не отличалась красотой, а время её ещё и не пощадило. И всё же, своих старых штучек она, как видно, не бросила. Молодой человек на манер щита отгородился от неё библиотечной тележкой, но это не мешало Пейдж, перегнувшись, перемежать каждое предложение прикосновением груди к его плечу. Должно быть, парень стажёр или посыльный. Слишком уж молодо выглядит, не похож на выпускника колледжа, а на аспиранта - тем более.

Бедный малыш. Дэниел наблюдал за ними поверх ряда книг. При каждом прикосновении Пейдж, юноше удивительным образом удавалось вздрогивать, не вздрогивая. На память пришли собственный ужасные дни, когда он с трудом выгонял себя на работу из страха, что начальница перейдёт черту, либо он сам, не выдержав, даст отпор и будет уволен. Мэгги говорила, что должна благодарить Пейдж, ибо она научила его, каково чувствовать себя беспомощным перед кем-то, обличённым властью. Сделала лучшим, более чутким доминантом. Конечно, Мэгги говорила не только это. Грозилась натравить на Пейдж всю свою юридическую фирму, если узнает, что та зашла дальше флирта с кем-то из подчинённых, и устроить один из самых громких процессов по обвинению в сексуальных домогательствах в истории человечества. Женившись, Дэниел перевелся работать в другой филиал и больше не видел Пейдж. Так что так и не получил удовольствия видеть, как она подожмёт хвост.

Впрочем, никогда не поздно.

Пейдж поманила пальцем явно перепуганного юношу.

Дэниел прошёл вперёд и встал прямо рядом с интерном. Пейдж запнулась на середине фразы и, открыв рот, уставилась на Дэниела.

- Дэниел? Ты? Господи, сколько лет, сколько зим! Отлично выглядишь. Как ты...

- Заткнись, Пейдж. У меня на банковском счету теперь пятьдесят миллионов, а, значит, больше не нужно вежливо притворяться, что я не хочу оказаться от тебя, как можно подальше. Как была пятнадцать лет назад властолюбивой озабоченной мерзавкой, так ей и осталась, разве что двадцать фунтов набрала. - Он осмотрел её с головы до ног так же, как она в своё время осматривала его. - А то и больше.

Пейдж побледнела, а у молодого человека челюсть упала на пол и так там и осталась.

- Дэниел, я...

- Заткнулась бы. Я больше на тебя не работаю, и не передать, как этому рад. А здесь лишь затем, чтобы поговорить с ним. Как тебя зовут?

Юноша моргнул и закрыл рот.

- Тейлор Сандерс.

- Рад познакомиться, Тейлор Сандерс. Я Дэниел Колдвелл. Моя покойная супруга была одним из самых лучших адвокатов города. У меня знакомых законников больше, чем обычных людей. Вот мой номер. Звони, если захочешь возбудить против Пейдж дело по обвинению в сексуальных домогательствах. Оплачу все издержки и даже буду главным свидетелем. - Дэниел накарябал на обрывке бумаги номер своего телефона и вручил ошалевшему интерну. - На, сообщи всем сотрудникам или интернам, к которым она приставала, зазывая к себе домой поработать над, так называемым, специальным проектом. Я не шучу. Звони.

Парень снова моргнул.

- Да, сэр.

- Просто Дэниел, не сэр. В конце концов, мы не спим вместе. Шла бы ты, Пейдж. Ужасный костюм. Кстати, я как-то трахнулся с женой в семисотом.

Дэниел крутанулся на каблуках и вприпрыжку прошёл оставшийся путь до дома. После этой маленькой эскапады, которая запоздала лет на тринадцать, он был готов пробежать до Нью-Джерси и обратно. Элеонор правильно сказала. Он доминант. И вести себя должен соответственно. Жизнь кажется много лучше, когда становишься самим собой.

Вернувшись в квартиру, он начал звонить по телефону. За годы совместной жизни у них с Мэгги появилось несколько хороших друзей, друзей, с которыми Дэниел не виделся годы. С одной четой он условился об обеде на этой неделе, с ещё одним старым совместным другом договорился о встрече за ланчем. Затем вытащил карточку Ирины, собираясь назначить девушке свидание на выходных, если она будет свободна. А даже если и нет, он прикажет ей выкроить время.

Этим же вечером Дэниел решил удивить кузена Мэгги Бена и его жену. Оба присутствовали на их свадьбе, оба звонили чуть ли не каждый день в последние недели перед смертью Мэгги и спрашивали, как дела.

Весь потный после пробежки Дэниел решил принять долгую горячую ванну, чтобы снять тяжесть в ногах перед очередным походом на улицу. Он уже начал наливать воду, но тут в дверь позвонили.

- Кто там? - с полпути крикнул он.

- Селин Дион.

Сначала Дэниел от сильной растерянности даже позабыл, что полагается делать. Дверь. Правильно. Открыть. Он рванул дверь, за ней стояла Аня в бледно-розовом сарафане с высоким поясом, её волосы были уложены в два небольших пучка по бокам.

- Аня?

Она избегала встречаться с ним взглядом.

- Меня наказали, - сообщила она.

У Дэниела похолодело на сердце. Ну ещё бы. Иначе как против своей воли она бы сюда не пришла.

- Кингсли что ли?

Аня смущённо кивнула.

- За что?

Она вздохнула:

- Я у него дома читала на полу. На животе. Он увидел и спросил, чем это я занимаюсь.

- А ты? - спросил Дэниел, воображая лежащую на полу Аню. Ничего такое зрешище.

- А я ответила, что занимаюсь сбором впечатлений о Париже времён Гитлеровской оккупации.

Дэниел чуть не упал со смеху. Далеко не сразу он справился с собой настолько, чтобы снова нацепить маску сурогового доминанта.

- Что ж, сама напросилась. И каково твоё наказание? Кинг послал тебя приготовить мне ужин или как?

- Он велел исполнять все твои желания на протяжении двух последующих часов. Все, кроме...

- Мне нельзя заниматься с тобой сексом. Иного и не ожидал. Что ж, очень мило со стороны Кингсли наказать тебя моим обществом. Я рад. Заходи.

Она опасливо переступила порог и остановилась посреди гостиной, молча оглядываясь по сторонам.

- Значит, следующие два часа я могу тебе приказывать, что пожелаю, и ты всё исполнишь?

- Oui.

- Хорошо. Ступай за мной.

- Куда мы идём?

- В ванную. Можешь для начала помочь мне раздеться.

Глава 7

СЕКС, ЛОЖЬ И ВОДА В ВАННОЙ

Аня прошла за Дэниелом в ванную и за всю дорогу не сказала ни слова. Ни слова жалобы. Ни слова оскорблений. Он уже порядком раскаивался в своём нахальстве. Такая молчаливость с её стороны могла означать лишь одно - она напугана до смерти.

Ну и хорошо. Дэниел постарался вытравить из себя жалость и сочувствие. Пусть немного побоится. Может, оказавшись один на один с мужчиной-доминантом, достаточно сильным, чтобы одной рукой переломить её пополам, Аня подумает дважды, выставлять ли себя на аукцион. К тому же, сегодня ничего такого не произойдёт, она просто получит возможность увидеть, что он скрывает под своими оксюморонскими дизайнерскими джинсами.

В ванной он закрыл дверь и включил краны.

- Боишься, - повернувшись к ней, спросил он с другого конца заполненной паром ванной.

Аня вздрогнула подбородок.

- Нет. Конечно, нет.

- Правда?

Она нервно сжала перед собой руки и потёрла пятно какой-то невидимой грязи на пальце.

- У меня три брата. Я меняла им подгузники и помогала одеваться в школу. У тебя нет ничего такого, что может удивить меня, Дэниел.

- Сэр.

- Прости? - не поняла Аня.

Дэниел ответил ухмылкой, от которой ей полагалось занервничать ещё больше.

- На следующие два часа ты моя саба. Когда обращаешься к господину, называй его сэр. Comprenez, ma petite?

- Твой акцент ужасен.

Дэниел обжёг её своим фирменным взглядом.

- Что, не рассыпал?

Аня громко сглотнула и переступила с ноги на ногу.

- Ваш акцент ужасен... сэр.

- Лучше. Теперь подойти сюда. - Дэниел щёлкнул пальцами и указал ей на место перед собой.

Аня так медленно и осторожно пересекла помещение, что со стороны можно было подумать, будто она ступает босиком по битому стеклу. Не рассмеяться над ней стоило Дэниелу огромных усилий.

- Никакогоекса, помнишь? - решил он развеять её страхи. - Ничего не произойдёт против твоей воли. У тебя есть стоп-слово?

Она медленно кивнула и прошептала:

- Fleur de lis.

- Очень красивое. Тебе известно, что флёр де лис - символ Непорочной девы Марии?

- Non. - Она покачала головой. - Мне нравятся лилии, поэтому я её и выбрала.

- Я не врал. Флёр де лис, правда, символ чистоты и целомудрия.

Похоже, в кои то веки ему действительно удалось её удивить.

- Откуда ты знаешь?

Дэниел пожал плечами:

- Я же библиотекарь. А теперь раздевай меня.

Глаза Ани стали большими... комично большими.

- Сама сказала, что помогала братьям одеваться в школу. Наверняка и раздеваться помогала перед ванной. Смотри на это так же.

- Bien sûr... сэр.

Аня медленно потянулась к его плоскому животу и взялась за ткань потной майки.

- У тебя красивые руки, - сказал Дэниел, впервые заметив её тонкие, очень изящные пальцы.

Она покачала головой:

- Non, pas du tout. (фр. Нет, вовсе нет) Видишь?

Она выпустила его майку и повернула руки ладонями кверху. Кончики пальцев покрывали маленькие мозоли и маленькие проколы от швейных иголок.

Дэниел нежно взял её за запястья и поднял их к своей груди.

- Всё равно красивые... только работаешь слишком много.

Он поднял одну руку к губам и поцеловал в ладонь. В ответ на прикосновение Аня резко втянула воздух. Под своим большим пальцем, Дэниел чувствовал частое биение её пульса.

- Ну... продолжай. - Он неохотно выпустил её запястья, и она снова взялась за ткань его майки.

- Вы отвратительны, сэр. - Она потянула майку вверх. - Чем это вы занимались?

- Бегал.

- Fou. (фр. сумасшедший). Безумие.

- Безумие? Скорее, спорт.

- За вами кто-то гонялся, сэр?

- Вроде нет, не видел никого.

- Тогда да, безумие. Поднимите руки, s'il vous plaît.

Дэниел даже пальцем не пошевелил.
Аня с неприкрытой досадой вздохнула.
- Поднимите, пожалуйста, руки... сэр.
- Славная девочка. - Он подчинился. Аня сняла потный предмет одежды и протянула перед собой.
- Аня, что ты делаешь?
- Ищу огонь, чтобы её спалить.
Дэниел рассмеялся и отобрал у неё майку.
- Костёр устроим позже. - Он закинул потный комок ткани в угол. Аня вздрогнула. Неудивительно, он видел её противоестественно опрятную квартиру. Дэниел стоял молча и ждал. Аня вернулась и снова встала перед ним.
- Ты всё время смотришь в пол, Аня.
- Очень красивый. Что это?
- Взгляни мне в глаза, и я расскажу.
Аня закусила губу и подняла глаза к его лицу. Взгляд её побродил по стене, старательно избегая обнажённой груди Дэниела, и, в конце концов, упёрся ему в нос.
- Глаза в глаза.
Она сделала глубокий вдох и встретилась с ним глазами.
- Кварцит, - ответил он.
- Неужели так сложно держать себя в чистоте?
Дэниел взял её за руки и прижал трясущиеся ладони к центру своей груди.
Почти целую минуту Дэниел не говорил ничего, просто дав Ане разомнаваться ещё сильнее. Он хотел видеть её встревоженной, напуганной. Ради её же блага.
- У тебя руки трясутся. Побелела, как привидение. Подумай о том, что сейчас чувствуешь. Представь, Аня, - низкий голос Дэниела побуждал её закрыть глаза. - Представь, что наедине с кем-то, кого раньше не видела и его раздеваешь. А то и хуже. Любой мужчина, который выиграет тебя на аукционе, станет твоим хозяином на ночь. К этому времени он уже мог бы привязать тебя к кровати. Мог бы быть внутри тебя. Прочувствуй свой страх и умножь его в тысячу раз. По меньшей мере, в тысячу.
Наконец-то Аня на него посмотрела, по-настоящему посмотрела. Сначала на глаза, потом на губы. От губ её взгляд побрел вниз по шее, плечам, груди, поднялся по рукам, спустился к животу и снова прошёлся по всему телу, и она ещё раз посмотрел в глаза.
- Я не боюсь, - прошептала она. - Я дрожу не по этому.
- Не боишься? Вот как? Тогда почему ты дрожишь? - требовательно спросил он. Надо было достучаться до этой девчонки, пока она не совершила худшую ошибку своей жизни.
- Потому что... сэр... вы... - она остановилась, снова сглотнула и вперила взгляд куда-то ему за плечо.
Дэниел поднял руку и погладил Аню за ушком.
- Ответь, почему ты вся дрожишь?
- Потому что... я хочу вас. - Она посмотрела ему в лицо. - Сэр.
Дэниел смолчал, на мгновение лишившись дара речи. Это были последние слова, которые он ожидал услышать от нее.
- Повтори, - приказал он.
Аня закрыла глаза.
- Я хочу вас, сэр.
- Так вот почему ты ведёшь себя так, словно меня ненавидишь? - Дэниел продолжал поглаживать её по лицу и шее, сразу под кромкой роста волос, и был вознаграждён дрожью.

- Нет. Я на самом деле вас ненавижу. Очень.

Не будь Дэниел так возбуждён, может бы и смог рассмеяться. А так его хватило только на то, чтобы ласково взять её лицо под подбородок и поднять к своему.

- Я тоже тебя ненавижу.

Он приблизил свои губы к её и стал ждать. Долго ждать не пришлось. Аня приоткрыла рот, тело её обмякло. Сначала робко, потом с большей уверенностью поцеловала. И хоть Дэниелу всеми фибрами души хотелось прижать её к стене, раздвинуть языком её губы и полностью завладеть её ртом, он сдержался и разрешил ей вести. Обхватил её за затылок и позволил себе маленькую вольность соприкоснуться с ней языками. Она издала тихий гортанный стон, и в этом стоне было столько жажды, столько голода, что Дэниел, не удержавшись, прижался к ней бёдрами и дал почувствовать, как отчаянно её ненавидит.

В конце концов, ему удалось оторваться от её губ. Если он сейчас же не возьмёт себя в руки, то повалит её на этот кварцитовый пол и возьмёт прямо на нём. Её янтарные глаза расширились как у испуганного оленя.

- Хватит медлить, - сказал он, вспомнив, что это он тут доминант. Вроде. Нельзя, чтобы она увидела, как сильно подействовал на него этот поцелуй. Эти целомудренные, робкие и вместе с тем отважные губы, всего лишь прикасались к его губам, однако поцелуй каким-то образом всколыхнул в душе чувства, о существовании которых он забыл. - Вода остынет.

Дэниел скрестил руки на груди и посмотрел на Анию сверху вниз.

Её руки всё так же тряслись, когда она опустилась перед ним на колени. Теперь пришлось отвернуться уже Дэниелу. Если бы он стал смотреть на неё в этой позе, все надежды на самоконтроль разлетелись бы вдребезги. Она начала возиться со шнурками его беговых кроссовок, и он поднял сначала одну ногу, потом вторую, когда она стала стягивать их вместе с носками. Должно быть, она была испугана до смерти, потому что ни словом не прокомментировала его потную обувь.

Вскоре Аня, похоже, вошла в роль сабмиссива. Аккуратно поставила сбоку его кроссовки и уложила внутрь шнурки, а затем положила его носки рядом с потной футболкой. Дэниел проиграл схватку с самим собой и снова начал за ней наблюдать. Её глаза застлала поволока. Сердитая, напуганная, темпераментная Аня исчезла, и её место заняла новая тихая, смиренная, покорная Аня. И Дэниел не мог решить, которая ему нравится больше.

Покорная Аня начала стягивать с него штаны.

Вот эта Аня.

За всё время, пока стаскивала с него штаны, она ни разу не подняла уважительно потупленных глаз. Шагнув из них, Дэниел изучающее на неё посмотрел.

- А у тебя это хорошо получается, - сказал он. - Элеонор говорила, что давно не встречала такой хорошей сабы, как ты.

Уголки её полных розовых губ изогнулись в слабом подобии улыбки.

- Очень лестно. Она удивительная. Сначала мне и в голову не приходило, что она такая... такая...

- Боевая? Смелая? Настырная?

- Властная, настоящий доминат. Mais (фр. Но)... когда она с ним, её словно подменяют. Прекрасное зрелище.

Дэниел кивнул в знак понимания, но не добавил, что на личном опыте знает, насколько прекрасна Элеонор в роли сабы. Почему-то ему не хотелось ни говорить о ней, ни думать. Она ушла от него и исчезла где-то за пределами области зрения. Сейчас он видел лишь одно, хотел видеть лишь одно - Анию на коленях.

- На тебя так приятно смотреть. Ты очень красива вот так.

Она прошептала что-то на французском, и Дэниел обругал себя за то, что последние полтора года совершенствовался в испанском и португальском. И даже узнал, как спросить на языке индейцев кечуа «на какой куст безопаснее помочиться?» Нет, чтобы вместо этого немного поучить проклятый французский.

- По-английски, - приказал он и решил, что при первой же возможности начнёт подтягивать свой французский... а лучше всего сегодня же.

- Vous aussi (фр. Вы тоже) - повторила она, оторвавшись от созерцания пола. От страха в её больших карих глазах не осталось и следа, и теперь в её взгляде светилось лишь невинное доверие. - Ты тоже.

Дэниел ничего не сказал, и её слова просто повисли в воздухе. Он отодвинулся и опустился в горячую воду. Не дожидаясь его приказа, Аня встала, разулась и подошла к ванне. Он наклонился вперёд, и Аня села у него за спиной на край. Дэниел откинулся назад, и ей пришлось раздвинуть ноги, чтобы освободить ему место между них. Когда она потянулась за мочалкой, он повернулся и укусил её за внутреннюю часть бедра. Аня дёрнулась, разбрызгивая воду.

- Вот и вся твоя покорность, - пожаловался он, вытирая лицо полотенцем. - Была хороша, да сплыла.

- Мог бы и предупредить, что укусишь.

- А-а, тогда было бы не так забавно.

- Простите, сэр, - надулась Аня. - Я старалась изо всех сил. Я... нервничаю.

- И я не делаю твою жизнь проще, угадал?

- Oui, не делаешь. Ты очень привлекательный и... очень большой. Высокий.

- Во мне пять футов одиннадцать дюймов, на дюйм ниже Кингсли, не забыла? - насмешливо напомнил он. - Впрочем, в кое-каком месте мы очень похожи.

- Правда? - спросила она.

Правда? Разве может быть этот акцент сексуальнее? Дэниел поразмыслил над этим и решил, нет.

- Сейчас у нас речь об Кингсли Эдже. В этом городе всего три человека ещё не видели его голым. И все они в коме с конца восьмидесятых.

Аня рассмеялась, и начала тереть его плечи мочалкой. Дэниел нагнулся вперёд, чтобы ей было проще добраться до его спины.

- Monsieur кажется таким странным. Он явно из Франции, потому что французский у него, как фруктовый десерт с мороженым. Однако фамилия не французская.

- Фамилия у Кингсли длинная, как его... Короче, язык сломаешь. К нему стали обращаться «Эдж» * (Экстремальный БДСМ Edge Play (эдж-плей) — экстремальные игры, игры на грани) лет тринадцать назад, когда он впервые открыл в Нью-Йорке магазин. Мэгги говорила...

- Мэгги?

- Моя жена. Покойная жена. Одна из его первых побед. Она сказала, что фамилия пошла от его старого прозвища. Кингсли большой любитель игр на грани.

- Игр на грани?

Дэниел хохотнул.

- Позже расскажу. Если рассказать сейчас, ещё самому тебя мыть придётся, а это для нас обоих добром не кончится.

- Имя у него тоже отнюдь не французское. Во французском нет ничего на «К». Ни одного имени. Я даже слова такого на французском придумать не могу, чтобы начиналось с «К».

- Вроде он как-то говорил, что его мать американка. Он далеко не всем это рассказывает. Порядком стыдится того, что француз только наполовину.

- Ага... будет теперь чем его подкалывать. Наполовину американец? Это даже хуже, чем смесь француза с канадцем.

- В точку, - согласился Дэниел, чем снова вызвал у неё смех. У неё был такой музикальный смех - переливчатый, будто звон бокалов. - Только без излишней вредности.

- Pourquoi? (фр. Почему?)

Он посмотрел на неё.

- Я буду ревновать. Хочу, чтобы ты была вредной только со мной.

Аня, улыбнувшись, выжала губку ему на лицо.

- Вот тебе!

Дэниел вырвал губку и намылил Ане лицо. С визгом подняв руки, чтобы защититься от нападения, она разразилась потоком слов, в котором явно присутствовали самые грязные французские оскорблении. Наконец Дэниел смягчился и отшвырнул губку на другой конец просторной ванной комнаты.

- Тебе эту штуку лучше не давать, - сказал он.

- Mais... (фр. но) как мне тогда...

- Воспользуйся руками.

Аня буркнула что-то под нос, намылила руки и, сильно хлопнув Дэниела по голым плечам, начала разминать тугие мышцы.

- Вероятно, тебе будет удобней, если присоединишься ко мне в ванной, - предложил Дэниел, умирая от желания видеть ее лицо после сказанных им слов.

- Но я промокну.

- Так я этого и добиваюсь.

Аня со стоном встала. Обошла его в воде и присела рядом на краешек ванной.

Дэниел поднял ногу и положил ей на колени.

- Чтобы никакой щекотки, - приказным тоном предупредил он.

- Знаете, Господин, вообще-то моё платье не предназначено для того, чтобы его мочить...

- Можешь снять.

Она метнула в его сторону сердитый взгляд.

- Я лишь предлагаю, это не приказ, - подмигнул ей Дэниел. - Знаешь, а для человека, который уверяет в своей нищете и предположительно отсылает все деньги брату, ты одеваешься... шикарно.

- Я сама шью себе одежду. Это платье...

- Это платье?.. - переспросил он, передразнивая её французский акцент.

Она высунула язык:

- Oui, это платье, - продолжила она, намеренно утрируя своё произношение, - на него ушёл всего день, ну и, может, долларов десять-пятнадцать. Мы с мамой шили одежду всем моим младшим братьям и сёстрам.

Дэниел окинул платье оценивающим взглядом, пытаясь не замечать, насколько красиво оно сидит и сосредоточиться исключительно на красоте кроя и шитья.

- Ты невероятно талантлива. Не думала пойти в школу дизайна? А то и начать выпускать собственную линию одежды?

Нагнувшись, она сложила ковшом ладони и, зачерпнув воды, вылила ему на ногу.

- Когда дети окончат школу, тогда об этом и подумаю, - ответила она, безразлично пожав плечами.

- Сколько самому младшему?

- Sept (фр. семь)... семь.

- Семь? И ты собираешься ждать пятнадцать лет, прежде чем он закончит школу?

Не ответив, Аня снова намылила руки и пробежалась скользкими пальцами по его ногам. Возле колена она остановилась, словно опасаясь двигаться дальше. Мудрое решение, пожалуй. Прикосновения её деликатных пальцев такие возбуждающие и вместе с тем трогательные. Эта девушка настолько моложе, такая неопытная. Была ли у него когда-нибудь девственница? Нет. Никогда. Даже Элли, с которой он лишился невинности, уже с кем-то переспала.

- Аня?

- Мне будет тридцать семь, - улыбнулась она. - По-моему, возраст идеальный.

- А мне тридцать восемь.

Она издала полный демонстративного отвращения вздох.

- Ужасно. Придётся выстругать тебе трость.

На слове «трость» Дэниел схватил Аню за руку и рывком затянул под воду. Та сначала боролась, но прекратила, когда он посадил её себе на бёдра, дав почувствовать через кружевные трусики силу своего желания.

- Никогда не говори доминанту «трость», - прошептал ей на ухо Дэниел, приобняв за талию. - Нам в головы приходят опасные идеи.

Она попыталась отстраниться, но Дэниел прижал её к себе. Пусть скажет сначала стоп-слово, иначе он не сдвинется ни на дюйм.

- Ты об этом фантазируешь? - Дэниел по-хозяйски поднялся по спине Ани, чувствуя, как под ладонями намокает ткань её платья. - О побоях?

Она зажмурилась и упёрлась лбом ему в плечо. Его руки скользнули выше, правая обхватила затылок. Аня не ответила словами, но Дэниел почувствовал, как она утвердительно кивнула.

- Ты говорила, что в четырнадцать рассказала подруге о своих мыслях. - Он скользнул второй рукой ей под платье, в горячей воде ванны нежная кожа бедра казалась такой тёплой и гладкой на ощупь. Так и отдал бы всё за возможность прижать к себе обнажённую Аню. - Что именно ты рассказывала ей о своих фантазиях?

Аня низко простонала.

- Отвечай. - Дэниел сжал ей бедро, его рука проползла чуть выше. - Это приказ.

Аня медленно обняла его за плечи, её руки, нервно стиснутые в кулаки, начали разжиматься.

- Прикоснись ко мне, - велел он ей на ухо. - Это тоже приказ.

Распластав ладони у него на спине, она погладила кончиками пальцев лопатки.

- Отвечай на вопрос. Я тебя даже в глаза мне смотреть не заставляю.

Её пальцы добрели от плеч к середине спины.

- Она, моя подруга Ли, спросила... как я себе это представляю.

- Ты о сексе?

Аня кивнула:

- Ни её, ни меня ещё не целовали. Моя ошибка в том, что я ответила первой.

Дэниел передвинул руки с её бёдер к промежности, и слегка прижав два пальца к кружевным трусикам, даже через ткань почувствовал набухший клитор. Аня напряглась, но не издала ни слова протеста.

- И что ты ей сказала? Как ты себе представляла секс?

- Я сказала, что мне кажется... - она вздрогнула, когда он начал ласкать ей клитор.

- Отвечай.

- Я призналась, что хочу грубости, когда мужчина займётся со мной любовью.

Что хочу назавтра увидеть синяки у себя на запястьях. Что он даже может привязать меня к кровати, помыкать мной и отшлёпать, если чем-то не уложу. И заставить говорить, как сильно хочу его... вырвать мои тайны, даже если этим вынудит меня разрыдаться. Говорили, девственницам всегда больно, и я сказала, что предвкушаю эту

боль... сказала... - Аня подняла голову с плеча Дэниела и заглянула ему в глаза. - Я сказала, что хочу этой боли.

Дэниел протолкнул пальцы глубже, те задвигались чаще. Она, ахнув, подалась ему навстречу.

- И твоя подруга сочла тебя сумасшедшей?

- Да. - Аня положила голову на плечо. - Она сказала я fou. Très fou. (фр. сумасшедшая, очень сумасшедшая)

- Почему? - Ничего, подумал Дэниел, не может быть эротичнее, чем взять эту юную девственницу так, как она мечтала в четырнадцать... подмять под себя, привязать к кровати, приказать подчиниться своей воле, заставить извиваться от боли первого проникновения, а затем извиваться снова всю долгую ночь, но уже от радостей плоти, которые он доставит.

- Она сказала, что это ненормально: мужчина должен быть всегда нежным и любящим.

- Не всякая любовь нежна. Порой она груба, жестока. Порой так нужно.

- И это то, что нужно мне.

- Уверена? - Дэниел приблизил губы к впадинке на её шее, его пальцы кружили вокруг клитора, свободная рука крепко до боли сжимала затылок.

Аня явно утратила дар речи. Грудь её часто вздымалась, сквозь мокрую ткань платья простирали маленькие тугие соски. Она тёрлась бёдрами о пальцы Дэниела.

Дэниел вспомнил, как впервые фантазировал о ней в магазине синьора Витале, воображая, что перед зеркалом трахает её сзади. Тогда он поклялся себе...

- Скажи обо мне что-нибудь хорошее, - приказал Дэниел. - Пока не скажешь, кончить не дам. Давай.

- Я солгала, - слова прозвучали торопливо, голодно.

- Солгала? О чём?

- Monsieur... Это не Кингсли послал меня к вам в качестве наказания, - прикусив нижнюю губу, она закрыла глаза. - Я сама хотела вас снова увидеть.

От её признания улетучились последние остаткидержанности Дэниела. Обняв, он поднял Аню из ванной и отнёс в спальню, забрызгав пол водой, что стекала с обоих.

Безо всякой нежности он швырнул её на спину и сорвал трусики. Рванул вверх затрещавшее по швам платье и закинул в мокрую кучу на полу.

Когда он припал к розовому соску, катая второй в пальцах, Аня выгнулась под ним. Дэниел почувствовал, как её ладони скользят по его плечам. Он отстранился, схватил её за руки и, пригвоздив её запястья к кровати, коленями раздвинул ей ноги. Остановился он лишь, когда Аня напряглась под ним в явном страхе. Закрыв глаза, он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

- Скажи, что именно этого хочешь, - севшим голосом попросил он. - Говори.

- Я хочу вас, господин. - Её голос был таким слабым, таким напуганным. - Я хочу вас внутри себя.

Дэниел резко втянул воздух. Презервативы, смазка... всё есть, нужна лишь капелька самоконтроля... иначе в первый раз Ане будет очень больно. Прежде чем открыть глаза, он сделал три глубоких вдоха. Первый - напомнить себе, что фантазию Ани о том, как она хочет лишиться девственности, лучше оставить в стране фантазий. Второй - замедлить лихорадочный стук сердца. Вот уже много лет, как он не возбуждался до такой степени. Даже несколько ночей назад, когда нашёл Элеонор у себя в кровати, это взволновало его не настолько глубоко, как эта девственная красавица, готовая отдать ему. А на третьем вдохе в памяти всплыл... аукцион Кингсли.

Распахнув глаза, Дэниел нагнулся к Ане. Она открылась его поцелую, его языку, губам. Сладостность её рта пьянила, будто десертное вино.

- Назови любую цену, - прошептал он ей в лицо, - и я заплачу.

- Что?

- Если я лиши тебя девственности, что ты выставишь на аукцион? - он улыбнулся ей в губы. - Я готов заплатить за неё, сколько попросишь.

Аня попыталась выдернуть из-под него руки, но он не позволил.

- Заплатишь?

В её голосе проскользнула опасная нотка, и Дэниел понял, что зря это предложил.

- Ты меня неправильно поняла. Я только...

Аня попыталась вырваться снова.

- Аня, прекрати. Выслушай сначала. Ты ведь волнуешься о деньгах, о братьях, вот я ...

- И ты подумал, что я отдашь тебе за деньги? - она дёрнулась снова, но Дэниел её не выпустил.

- Нет. Просто тыучаствуешь в аукционе ради денег. И я знаю, что они тебе нужны, а у меня их, бог не даст сорвать, больше, чем нужно. Я тебе заплачу и...

- Флёр де лис.

Дэниел сначала не поверил своим ушам, когда услышал стоп-слово, однако взгляд Ани не оставлял сомнений, и он тотчас её выпустил.

Она, внезапно застеснявшись, прижала колени к груди.

- Моё платье, пожалуйста, - с показной холодностью попросила она. - И пожалуйста, оденься.

Дэниел слез с кровати и поднял с пола её мокре платье.

- Пожалуйста, - не глядя на Дэниела, повторила она.

Он отдал Ане платье, и она прижала его к груди, даже не пытаясь надеть. Понятно, ждёт, чтобы он ушёл, повернулся к ней спиной. Всего две минуты назад Аня лежала под ним совершенно голой, широко раздвинув ноги. Её влажное тело ждало его... а теперь она сжалась, замкнулась и его отталкивает. Сегодня она, наконец, ослабила оборону и подпустила к себе. Только теперь он буквально видит, как вокруг неё снова вырастают крепостные стены, и он остаётся снаружи дрожать на холоде.

Дэниел прошёл в ванную и отыскал свои штаны. Натягивая их, он уже в который раз клял себя за то, что сказал Ане именно то, что не следовало. А ведь хотел только помочь, утешить, снять с неё часть бремени. Собственно, поэтому и предложил заплатить...

- Чёрт... - выдохнул он. Не удивительно, что Аня сейчас его ненавидит. Что воздвигла вокруг себя стены. Додумался... предложить заплатить ей за девственность, будто проститутке. И пусть он имел в виду другое, но выглядело это именно так.

- Аня! - Дэниел выбежал из ванной, но нашёл только мокрую и пустую постель и, снова прокричав её имя, помчался в гостиную. Пол усеивали отпечатки мокрых ног. Дэниел рванул дверь. Створки лифта в конце коридора как раз закрывались. Даже умей он летать, не успел бы добраться вовремя и увидеться с ней. Впрочем, попытка не пытка.

В нескольких шагах от лифта он остановился и снова позвал Аню. Ей только и нужно было, что протянуть руку и нажать кнопку открытия дверей. Однако она продолжала крепко обнимать себя. В мокром платье, с мокрым заплаканным лицом она выглядела раздавленной и прекрасной.

- Аня, пожалуйста, останься.

- Ненавижу тебя. Держись от меня подальше.

И если в ванной, сказав: «Я тебя ненавижу», Аня на самом деле думала совсем наоборот, то теперь правдой было каждое слово.

Дверь закрылась у него под носом, Аня ушла. Погнавшись за ней сейчас, он сделал бы только хуже.

Когда Дэниел вернулся в квартиру, ему стало тошно смотреть на мокрый бардак в ванной и кровати, и он всю ночь провёл на диване в гостиной, мысленно прокручивая дивные мгновения с Аней.

В тот миг, как она оказалась в его руках, он, словно понял, зачем ему вообще руки. В тот миг, как поцеловал, понял, зачем ему губы. Когда она опустилась перед ним на колени, безмятежная радость в её глазах позволила ему понять, для чего он родился доминировать в спальне. А когда она лежала под ним в кровати, впервые понял, зачем Мэгги умерла, а он сам выжил, и почему Элеонор оставила его ради другого мужчины, предоставив свободу выбора любой, кого пожелает.

Он умер вместе с Мэгги, но Элеонор вернула его из мёртвых. И теперь, когда жив, он точно знает, кого хочет видеть рядом с собой на сцене в «Дэниеле. Часть вторая. Аня».

А то, что она солгала ради того, чтобы сюда прийти и была готова отказаться от кучи денег, отдав свою девственность ему, а не кому-то с аукциона, могло означать лишь одно - она в него влюблена. Надо же было ему так облажаться.

Той ночью Дэниел почти не спал. Следующей тоже. Он каждый день звонил Ане, но так и не получил ответа. Он заглядывал к сеньору Витале, но тот каждый раз говорил, что Аня работает в другой мастерской и отказывался дать адрес. Даже Кингсли не помог.

- Mon ami, она хочет выставить себя на аукцион и попросила не подпускать тебя к ней.

- С каких это пор ты повинуешься приказам сабмиссивов? - сердито спросил Дэниел.

- Она пригрозила всем рассказать, что я наполовину американец.

Всю следующую ночь Дэниел придумывал изощрённые способы убить Кингсли и к утру остановился на гильотине - в самый раз для француза. И предателя.

Прошло три недели. От Ани по-прежнему не было ни слова, с ней даже не получилось увидеться. За время вдали от неё Дэниел понял, что готов отдать всё до цента, лишь бы поцеловать её снова. Всего лишь поцеловать. Нет, даже за меньшее. Он отдал бы всё до цента просто за знание: Аня в безопасности и не отдастся какому-нибудь сомнительному незнакомцу.

Отдал бы всё до последнего цента.

Ночью накануне аукциона эта мысль последовала за Дэниелом в постель, и до рассвета лежала на подушке, нашептывая себе на ухо. Когда Дэниел проснулся наутро, он уже точно знал, что ему делать.

Взяв телефон, он позвонил Элеонор.

Глава 8

ВОЙНЫ СТАВОК

- Ты идиот. Ты ведь и сам это понимаешь, не так ли?

Дэниел, вздохнув, откинулся на кожаный диван.

- Да, понимаю. Понимал и без тебя. Оскорбление вполне заслуженное, Эль, но толку от него?

Элеонор прекратила расхаживать по гостиной и, повернувшись к нему, спросила,

- Как тебе вообще пришло в голову предложить Ане деньги за девственность, когда бедняжка была ранима, как никогда в жизни? Можешь мне объяснить? Прошу. Да обнаружь я по пробуждении у себя на ковре круг примятого ворса, и то бы меньше сгорала от любопытства откуда тот появился. Ты же умный, так какого чёрта сделал такую несусветную глупость? Иисус, Мария и Иосиф, клянусь...

Элеонор с трагическим видом перекрестилась и, изображая жертву убийства, рухнула посреди комнаты на пол и начала обводить себя пальцем, рисуя на ворсистом ковре импровизированную линию мелом.

- Я тогда не думал головой. К сожалению. Аня на аукционе, чтобы заработать денег на обучение братьев и сестёр. Я лишь хотел сказать, что ей не придётся волноваться о деньгах, если она со мной переспит. Что я о ней позабочусь. Что ей не придётся волноваться ни о чём, если она со мной переспит... ни о деньгах, ни... Вот и всё.

«Труп» Элеонор поднял голову и испытующе посмотрел на него.

- Так почему было всё нормально не выразить? Не мог сказать, ни о чём не волнуйся, я о тебе позабочусь?

Дэниел потёр лоб, воскрешая в уме мгновение, когда Аня лежала в его кровати. Нет, чтобы сказать, не волнуйся ни о чём, Аня. Я позабочусь о тебе... обо всех вас... Возможно, она бы спросила, о чём он, и тогда он бы ответил: «*Я тебя хочу, но не только в своей постели и не только на эту ночь. Я хочу, чтобы ты стала частью моей жизни. И хочу детей, много детей, так что, если ты приедешь ко мне со всеми пятью родственниками, место найдётся всем, так как у меня за городом огромный пустой дом, который с радостью примет твоих братьев и сестёр. А если ты захочешь собственных детей, мы их заведём, почему бы и нет? Стань моей, моей телом и душой, и тебе больше никогда не придётся о чём-либо беспокоиться.*» Скажи он то, что действительно думал, и Аня осталась бы на всю ночь. А, может, и навсегда.

- Собственно, это я и хотел сказать.

- Однако сделал так, что теперь она думает, будто ты собирался купить её девственность, превратив прекрасный акт любви в бездушную сделку. Мы, девчонки, ну очень любим, когда с нами обращаются, как с проститутками. Мой Блонди порой даёт мне почувствовать себя шлюхой, но знаешь, это так мило... большая разница.

Дэниел снова вздохнул.

- Я напортачил.

- И ещё как, малыш Дэнни. Вопрос в том, как нам теперь тебя из этих портков вытащить.

- Вроде я кое-что придумал. - Дэниел соскользнул с дивана и лёг рядом с Элеонор.

- Только, пожалуйста, не говори, что собираешься купить её с аукциона.

- Да, я сегодня куплю её с аукциона.

- Нет, не купишь.

- Почему? Плохая идея?
- Не реальная. Видишь?

Элеонор перекатилась на бок и взяла сумочку. Роясь, она выложила на пол книги, ручки и блокноты, коричневого плоского динозаврика, карту Бельгии, пачку противозачаточных таблеток и, наконец, с победным смехом извлекла то, что искала - свёрнутый лист бумаги, похожий на театральную программку.

- Это программа сегодняшнего аукциона. Глянь внизу списка сабмиссивов... они слева.

Дэниел изучил обложку программы. На плотной кремовой бумаге виднелась тиснёная надпись чёрным и серебром: «Трастовый фонд Кинга приглашает на восьмой ежегодный благотворительный аукцион». Трастовый фонд Кинга... Недурственно звучит, Кингсли. Высший класс.

Дэниел открыл программу. Как обычно, сабмиссивов - трёх женщин и двух мужчин - выставляли на аукцион первыми. После перерыва наступит очередь доминантов - двух женщин и двух мужчин, включая его самого.

Как и следовало ожидать, Кингсли позаботился, чтобы всё выглядело респектабельно и честно. Победители получали право провести со своими призами вечер в городе - всё включено, ибо расходы уже покрыла выигрышная ставка. Дэниел знал, что фраза «всё включено» - код и означает, что победитель получает всё: БДСМ, секс и БДСМ-секс.

Просмотрев списки Дэниел нашёл Аню. Её имя стояло внизу отведённой сабмиссивам половины программы. Рядом шла изящная каллиграфическая надпись: «Главный приз - сводить Аню на её первое в жизни свидание».

У Дэниела упало сердце. «Первое в жизни свидание» было кодом для «всё ещё девственница». Его захлестнуло животное, собственническое чувство. Всякий, кто сегодня осмелится торговаться за Аню, рисковал тем, что его порвёт на части крайне опасно поглупевший от любви библиотекарь Дэниел.

- Прочти оговорку, - подсказала Элеонор.

Под именем Ани шли курсивом напечатанные слова, от которых у Дэниела похолодело внутри: лишь коренные американцы могли торговаться за право сводить её на первое в жизни свидание.

- Я опасался чего-то в этом роде. Она грозила, что попросит Кингсли не допускать канадцев к борьбе за неё. Надеялся, это шутка.

Элеонор покачала головой и принялась забрасывать в сумку вынутую дребедень.

- Может, раньше она и шутила, но теперь нет. Я тебе не говорила, что ты идиот?

- А своему хозяину ты тоже хамишь?

- Когда я повстречала его в пятнадцать, сразу обозвала его идиотом. Любовь у нас тогда вспыхнула с первого взгляда.

На это Дэниел лишь горько рассмеялся, уставившись в потолок.

- Итак, каков план «Б»? - спросила Элеонор.

- План «Б»...

А он надеялся, что до него не дойдёт. Отношения с Аней в такой заднице, что любые ухищрения с его стороны наверняка их только ухудшат. Но гложет его теперь не невозможность сделать её своей или стать для неё первым... да и раньше им двигало совершенно другое. Надо оградить её от опасностей и не важно, если в итоге она возненавидит его так, что больше не скажет ни слова. Главное не он и не его счастье, а Аня.

- Странный вопрос. - Он повернулся к Элеонор.

До чего она всё-таки красивая: чёрные волосы, тёмно-зелёные глаза, полные груди и ещё более полные губы. Интеллект, опасное остроумие и неукротимый дух.

Она совсем рядом, лежит с ним на полу, но впервые за полтора года он её совершенно не хочет.

Она выжидательно выгнула бровь.

- Ты родилась в США?

Элеонор лишь изумлённо уставилась на него.

- Боже, ну ты и идиот.

Тем же вечером в семь Дэниел стоял перед зеркалом и завязывал галстук, чего не делал уже много лет. Он не носил галстуков с похорон Мэгги, и теперь невольно вспомнил тот день. Как бы то ни было, сегодняшний аукцион требовал формальности в одежде. Вот и пришлось надеть старый костюм от Армани, купленный Мэгги.

Только Дэниел закончил повязывать галстук, как раздался стук в дверь. Кто бы это мог быть? В такой-то час? С его планом Элеонор согласилась, правда, сначала ещё несколько раз обозвала идиотом, но пообещала встретиться у Кингсли - именно там будет проводиться аукцион. Хотелось бы верить, что Аня внезапно передумает, но, увы, это всего лишь мечты.

Открыв дверь, Дэниел увидел в коридоре немолодого коротышку с чёрным одёжным чехлом.

- Синьор Витале?

- Синьор Колдвелл. Ваш костюм - готов.

- Мой костюм? Ах да, конечно. - Он и забыл, что ходил на примерки. Казалось бы, Аня должна перенести всё, что связано с ним, в самый конец своего списка дел.

- Спасибо, что принесли. - Дэниел забрал мешок с костюмом у синьора Витале. - Вот уж не думал, что вы занимаетесь доставкой.

- Обычно я не доставляю, оставляю это своей помощнице. - На губах синьора Витале мелькнула грустная улыбка. - На этот раз Аня вежливо отказалась.

Сердце Дэниела упало.

- Я не удивлен.

Синьор Витале кивнул на мешок с одеждой.

- Идите, примерьте. Возможно, придётся немного подшить.

- Да, разумеется. Пожалуйста, проходите.

Дэниел оставил синьора Витале в гостиной, а сам прошёл в спальню и сбросил одежду. Расстегнув молнию, обнаружил в мешке отменный костюм-тройку - чёрный, в тонкую серебряную полоску. Несмотря на несомненную современность, крой навевал ассоциации с ретро сороковых годов. Ещё бы фетровую шляпу - и вылитый герой фильмов Хэмфри Богарта.

Одевшись, Дэниел задумчиво уставился на собственное отражение в зеркале. И что только женщины в нём находят? Не сказать, чтобы высок, да и не так уж красив. Однако сегодня, в этом костюме, он выглядит, как...

- Проклятье.

Дэниел вернулся в гостиную. Синьор Витале ожидал его у окна.

- Сидит просто отлично, - сказал Дэниел. Даже более, чем отлично: этот костюм сидит, как вторая кожа.

- Моя помощница, она удивительная мастерица. Много лучше, чем был я даже во времена молодости. Никогда не видел, чтобы она столько трудилась над костюмом. Даже вчера вечером задержалась в мастерской допоздна. Всё подбирала идеальные пуговицы.

При мысли об Ане, о том, как она засиживается до ночи и шьёт ему вручную костюм, все внутри Дэниела скжалось.

- Всю работу проделала Аня?

- Всё до единого стежка. Похоже, на труд во имя любви. Что за талант! Мне будет её не хватать.

- Не хватать?

Синьор Витале кивнул.

- Несколько недель назад она уведомила об увольнении. Собирается вернуться к семье в Квебек.

Вернуться к семье? Или сбежать от него и той боли, что он ей причинил? Если Аня вернётся в Квебек, больше она оттуда никогда не уедет. Станет матерью для своих братьев и сестёр и посвятит всю жизнь заботе о них. Этого допустить нельзя.

- С какого числа она уходит?

- Вчера был последний рабочий день. Завтра собирается уезжать.

- Завтра? - сегодня аукцион, завтра отъезд... - Этому не бывать. Она останется здесь, даже если мне придётся её связать.

- Что-то мне подсказывает, ей это могло бы даже понравиться.

Дэниел улыбнулся.

- Пришлите мне счёт. Я вынужден вас покинуть.

- Нет счёта. Аня уже заплатила.

Чувство вины пронзило его сердце, как нож. Чёрт бы побрал эту упрямую девчонку. Если она и дальше продолжит в том же духе, придётся предложить ей руку и сердце.

- Всё равно пришлите счёт. И спасибо, что принесли костюм. А теперь извините. Мне пора. Собираюсь купить вашу помощницу.

Синьор Витале покачал головой.

- Что ж, надеюсь, вы богаты, как Крез. Эта девушка бесценна.

- Согласен. Стоит каждого пенни, которое придётся за неё выложить.

На Манхэттен к Кингсли Дэниел доехал на такси. Во всех окнах особняка горели свечи. Подъезжали и уезжали лимузины с роллс-ройсами, которые высаживали состоятельных пассажиров. Дэниел, оттолкнув с пути конгрессмена, зашёл в дом. Навстречу по главной лестнице через ступеньку спускалась Элеонор. Он не смог удержаться от улыбки. На официальных мероприятиях в мире Кингсли все сабмиссины традиционно носили белое, и Элеонор надела белое платье в стиле эпохи регентства, украшенное впереди бантом, концы которого ниспадали до самого подола. Завитые локоны длинных чёрных волос были забраны наверх. Шею обхватывал белый ошейник, выглядевший, как обычное колье. Казалось, она сошла прямо со страниц романа Джейн Остин.

- Вау, Дэниел, выглядишь чертовски сексуально. Так бы и отсосала у тебя прямо сейчас, не будь мы на людях.

- А Джейн Остин переворачивается в гробу. Милое платьице.

- Спасибо. Твой костюм тоже ничего. Итак, насчёт плана...

- Он дурацкий, как ты и говорила, но другого нет. Тебе можно доверять? Не пойдёшь на попятный?

- Разумеется. - Элеонор захлопала тёмными ресницами. - Чего только не сделаешь, чтобы нажить проблем на свою голову!

- Проблем?

Кивнув, Элеонор взглядом показала на лестничную площадку чуть выше. Оттуда сердито смотрел высоченный блондин в чёрном, но через мгновение он шагнул в сторону и исчез.

- Твой хозяин здесь?

- Где же ещё? Оттрахал меня минут пять назад. Но к нашему делу это не относится. Послушай, может нам его привлечь? Пусть не я, а он выкупит Аню.

Сегодня тут собрались все любители почудить в постели. Каждая собака его знает. И никто, поверь, никто не станет взвинчивать против него ставки.

- Охотно верю. Без обид, но тебе я доверяю больше.

- Как мило, а ведь я только что украла у тебя бумажник.

Элеонор покрутила в воздухе добычей. Дэниел, воздев глаза к потолку, отобрал бумажник.

- Кончай уже.

- Кончаю... снова.

Оба поднялись по лестнице на третий этаж. Крышу здания занимал накрытый стеклом сад, где, как обычно, при свете городских огней и пламени многочисленных свечей должен был проводиться аукцион.

К их прибытию торги только начались. Дэниел с Элеонор расположились под апельсиновым деревом и стали ждать. С противоположного конца сада на них напряжённо поглядывал её владелец, стоявший рядом с Кингсли.

- Ты что, и впрямь готова пострадать, чтобы помочь мне? - прошептал Дэниел.

- Ну да.

- Уверена, что хочешь ставить?

- Дэниел, - посмотрев на него, улыбнулась она. - Зачем ты вообще спрашиваешь?

- Хорошо, что ты меня бросила, - в ответ усмехнулся он. – Иногда, ты меня пугаешь.

- Очень лестно.

Когда Кингсли поднялся на маленькую сцену посреди толпы, его встретили восхищённым свистом и громом аплодисментов. Дэниел настолько волновался, что почти полностью прослушал приветственную речь Кингсли и его благодарности всем, кто пришёл поддержать аукцион своими деньгами.

- Я люблю тебя, Кинг, - посреди речи выкрикнул кто-то из женщин.

- Я тоже тебя любил, - не остался в долгу он. - В прошлый четверг, вроде? Найди меня после аукциона.

На сцену поднялся первый сабмисив, и аукционист, привлекательный седоволосый джентльмен, открыл торги.

- О, кто это у нас там? - промурлыкала Элеонор.

- Что, вожделеешь к аукционисту? - шепнул Дэниел.

- Нет, к вот этому. - Она кивнула в сторону человека на сцене - высокого парня лет двадцати. Загар выгодно подчёркивал голубизну его глаз, делая их ещё ярче. Внезапно ему на лоб упали взъерошенные тёмно-каштановые волосы, и он нервно смахнул их в сторону.

- Купи его для меня, - капризно надув губы, заклянчила Элеонор.

Дэниел заглянул в программку - Марк Киршнер, двадцать лет. Рядом с именем крошечная буковка «с».

- Эль, он сабмисив.

Элеонор с прищуром посмотрела на юношу, и этот взгляд на миг придал ей крайне опасный, почти хищный вид.

- Ах, какая жалость... - однако в голосе её не прозвучало ни тени разочарования.

Парня продали одному из мужчин за внушительную сумму в девяносто тысяч долларов. Страшно было даже подумать, каким приказам придётся тому подчиниться, отрабатывая эти деньги.

Аукцион продолжался, и следующие три сабмиссива ушли с молотка по цене от ста до ста пятидесяти тысяч.

- Ого, а тут сегодня большие транжиры! - заметила Элеонор. - Уже потратили больше, чем в прошлом году за весь аукцион. Надеюсь, ты готов раскошелиться.

- Готов.

- Но ты понимаешь, что в итоге можешь остаться ни с чем? - в тёмно-зелёных глазах Элеонор светилось неподдельное участие. - Вдруг Аня тебя до сих пор ненавидит?

Он кивнул:

- Я покупаю Аню не ради её прощения. Просто хочу, чтобы она была в безопасности.

- Ты потрясающий Доминант. - Элеонор поднявшись на цыпочки, чмокнула его в щёку. - Она дура, если не отвечает на твои чувства любовью.

- Но ты же сама не ответила.

- Я дура. А теперь ш-ш-ш... Началось.

Кингсли вернулся на сцену и представил последний приз до перерыва. Когда Аня вышла и прижалась к руке Кингсли, у Дэниела болезненно встрепенулось сердце.

- Боже... - ахнул он. Более красивой женщины он не видел никогда в жизни. На Ане простое чисто-белое платье. Две тонкие косы уложены короной на голове и напоминают нимб, а остальное падает на спину рыже-чёрными волнами. На лице натужная улыбка, в глазах - смесь печали и страха.

Кингсли поцеловал её в ладонь и, шепнув что-то на ушко, удалился со сцены.

Сердце Дэниела неистово загрохотало. Сцену снова занял аукционист, и торги начались.

- Начальная ставка пятьдесят тысяч долларов.

- Хочешь, чтобы я вступила? - шёпотом осведомилась Элеонор.

- За какую цену в прошлый раз ушёл главный приз?

- Дорого.

Один мужчина выкрикнул пятьдесят. Другой мужчина поднял ставку до шестидесяти девяти, что присутствующие встретили волной смеха. Дэниел запомнил лицо покупателя, чтобы позднее как следует его разукрасить. Меж тем Аня ждала на сцене, всеми силами изображая статую.

Ещё один мужчина предложил девяносто.

По толпе прокатились удивлённые вздохи.

Кое-кто взвинтил цену до ста тысяч. Но не просто кто-то.

- Твою мать... - ахнула Элеонор. - Блонди только что поставил на Аню.

Явно потрясённая она зажала рукой рот.

Дэниел глянул поверх людских голов. С другого конца толпы ему опасно улыбался владелец Элеонор. Нет, не улыбался. Ухмылялся. И ухмылка явно несла в себе сообщение, сообщение, которое означало: ты взял моё, а теперь я получу твоё.

- Чёрт, - выдохнул Дэниел. Вся публика смолкла. Элеонор верно говорила. Никто, ни одна живая душа не поставит против её владельца, самого опасно садиста в Преисподней.

- Проклятье, - потрясённо прошептала Элеонор. - Что будем делать, Дэниел?

- Тебе нельзя вместо меня ставить. Только не против него. Не хочу, чтобы ты попала в неприятности.

- Но её ты хочешь?

Дэниел перевёл глаза с ухмыляющегося, привлекательного лица хозяина Элеонор на Аню. Она явно знала, кто на неё поставил. Её предупреждали, что её может купить какой-нибудь садист. Судя по выражению крайнего ужаса на лице, ей даже в голову не приходило, что им окажется тот самый садист.

- Я люблю её, - сказал Дэниел и понял, что эти слова - правда.

- Сколько ты хочешь, чтобы я поставила?

- Если ставок больше нет... - начал аукционист

- Быстрее, Дэниел.
- Твой хозяин придёт в ярость.
- Он такой милашка, когда сердится. В прошлый раз главный приз ушёл за двести пятьдесят тысяч. Итак?..
- Подними эту ставку, - сказал Дэниел, любя Элеонор за её бесстрашие - любя впервые как друга и ничего более. - В десять раз.

КОНЕЦ

Элеонор подняла руку и звонким голосом произнесла:

- Два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч.
 - Собравшиеся ахнули снова.
 - Я всё правильно сделала? - прошептала Элеонор. - Надеюсь, правильно. А то у меня совсем дерымово с математикой.
 - Мадам? - повернулся к ней аукционист. - Вы уверены?
 - Чёрт, да, - кивнув, бросила она Ане. - Я бы с тобой зажгла.
- На противоположном конце помещения владелец Элеонор больше не ухмылялся, прожигая их яростным стальным взглядом.
- Он тебя, наверное, убьёт? - предположил Дэниел.
 - Очень может быть. Спроси лучше, есть ли мне до этого дела.

На сцене аукционист объявил:

- Раз... два... продано молодой женщине в платье, она получает возможность зажечь с главным призом.

Элеонор побежала на сцену, и за руку притащила Аню к Дэниелу.

- Не волнуйся, - успокоила она её по пути. - Я не собираюсь требовать от тебя ничего такого. Разве что ты сама захочешь. Вот он, мой кошелёк. Купила тебя я, но за моей спиной стоит он. Видишь?

Дэниел вручил Элеонор чек на два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч долларов.

- Минуточку... я хочу им насладиться. - Элеонор поцеловала чек, а затем засунула за лиф платья. Вытащила собственный пустой чек и написала: «Два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч долларов», после чего, тяжело вздохнув, вручила его Ане.

- Было приятно, но не долго. Поговори с Дэниелом. А мне пора на исповедь.

- Подмигнув на прощанье, Элеонор убежала к своему хозяину, который просто щёлкнул пальцами у неё перед носом. Её улыбка исчезла, и она последовала за ним.

Аня повернулась к Дэниелу, и он умиротворяюще поднял руку.

- Дай мне объяснить, пожалуйста, - попросил он, и Аня закрыла рот. - Я идиот. Сказал совсем не то, что думал. Я лишь имел в виду... я хочу, чтобы ты была рядом. Хочу о тебе заботиться. О тебе и о всех твоих братьях и сестрах. О них я тоже позабочусь, как о собственных детях. Я видел, как ты держала на руках Леонарда, и хочу, чтобы однажды ты так держала нашего ребёнка. Надеюсь, он окажется не таким волосатым...

Аня слабо улыбнулась, но он не дал себя прервать.

- Конечно, я забегаю вперёд, ну и что. Я должен перед тобой извиниться. Мне, правда, очень жаль. У мужчин две головы, и тогда я думал не той, что надо. Элеонор торговалась за тебя от моего лица не для того, чтобы дать мне возможность с тобой переспать, а, чтобы тебе не пришлось отдаваться кому-то, с кем ты не хочешь быть. И эти деньги настоящие. Деньги у меня есть. Сегодня выпишу чек. Хочешь спали,

хочешь потратить его на мишени для дартца с изображением моего лица. Два с половиной миллиона... это много дротиков. Но, скорее всего, я заслуживаю ещё больше. Ты сегодня такая красивая. Ты всегда красивая. И... нет, хватит. Надоело выставляться ослом.

И вот стоял он там и молча ждал. Аня смотрела куда угодно, только не на него.

Наконец она всё-таки заговорила.

- Мерси, - а затем крутанулась на каблуках и ушла - вглубь дома и из жизни Дэниела.

Закрыв глаза, он привалился к стволу апельсинового дерева. Все его надежды вернуть Аню... все мечты о совместной жизни... что ж, придётся от них отказаться. Пусть, её безопасность много выше в его списке приоритетов, так что даже не стоит огорчаться. Конечно, завтра, да и, наверное, до конца жизни ему никуда не деться от грусти. Зато ей не придётся отдаваться незнакомцу и садисту, так что, пожалуй, сегодняшний идиотский план всё-таки увенчался успехом.

Толпа встала и пришла в движение. Появились официанты с обычным вином и шампанским. Кингсли приблизился к Дэниелу и с головы до ног прошёлся по нему взглядом.

- Твой костюм.

- Да?

- Явное улучшение стиля.

Дэниел холодно рассмеялся.

- Аня пошила. Даже заплатила сама.

- Это её способ подать тебе на тарелочке твои же яички.

- Похоже на то. Я завоевал её, Кингсли. И я её потерял. А потом завоевал снова, но продолжаю терять. Догнать бы её сейчас, поговорить. Не знаешь, случайно, цветы в это время где-нибудь купить можно? Охапку лилий ценой в два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч. Как думаешь, это её смягчит?

- Pauvre (фр. бедный) Дэниел. - Кингсли поцокал языком, как противная французская квочки. - Не так давно я провёл неделю в Монте-Карло. Один человек там всё проигрывал, проигрывал и проигрывал... но в итоге перестал проигрывать. А знаешь почему?

- Нет. Почему?

- Вышел из игры.

Кингсли снисходительно похлопал его по щеке и удалился.

- Не забывай, скоро ты сам выходишь на сцену, - крикнул он через плечо, как раз когда Дэниел представлял, как подаёт ему на тарелочки его же яички. Впрочем, пусть и не хотелось это признавать, но француз, пожалуй, говорил верно. Только признавать его правоту не хотелось, так что Дэниел не стал. По крайней мере, вслух.

Перерыв закончился и на сцену снова вышел аукционист. Похоже, вторая половина аукциона, взбудоражила толпу даже больше первой. Как видно, её слегка забавляло и вместе с тем щекотало нервы то, что самые известные Доминаты Преисподней, подобно сабмиссивам выставлены на показ. Домы, которых Кингсли держал на пайке, тщательно окружали себя аурой загадочности и опасности. С клиентами они встречались только в свободное время. Никого из доминантов Кингсли нельзя было пригласить к себе ни за какие деньги. Приходилось просто записываться в очередь и ждать, пока не вызовут тебя самого. И затем расплачиваться за привилегию собственной кровью.

Дэниел, разумеется, знал, что у него нет такой ауры и власти. Себя он считал довольно непримечательным Доминантом. Не многие в кругу Кингсли принадлежали к той породе, чтобы жениться. А столь ранний брак с известной сабой и последующее

вдовство в столь молодом возрасте сделали его предметом любопытства и жалости. Две черты, которые вряд ли высоко котировались на аукционе Кингсли. Впрочем, Дэниела это не очень-то волновало. Ему просто хотелось поскорее покончить с аукционом. Он уже решил, что выпишет своему покупателю чек на ту сумму, в которую ему обошёлся. Так он сдержит обещание Кингсли, даст денег на благотворительность, и никто не проиграет. Но, главное, не придётся прикасаться к кому-то, кто не Аня.

Аукционист выкрикнул его имя, и Дэниел со вздохом вышел вперёд. Свечи на сцене горели так ярко, что ничего не давали видеть. Кто-то хихикнул и захлопал в ладоши, женский голос с русским акцентом пригрозил поркой тем, кто попробует перебить ставку, а ещё один голос напомнил, что в этой толпе это вряд ли угроза.

Ставки начались с десяти тысяч долларов и вскоре подскочили до пятидесяти. Пятьдесят тысяч. И это за него? Что за сумасшедшая готова выложить за ночь с ним пятьдесят тысяч? Наверное, Ирина. После их жаркого совместного вечера она ясно дала понять, что хочет увидеться снова.

На восьмидесяти тысячах в торгах наступило затишье. Что ж, это и так в десять раз выше его ожиданий. Следовало бы чувствовать себя польщённым, а он чувствует лишь пустоту одиночества.

- Ещё ставки будут? - обратился к присутствующим аукционист. Никто не ответил. - Раз, два, три...

- Два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч долларров, - с акцентом выкрикнул голос из толпы.

Дэниел насторожился.

Дollarров? С французским раскатистым р-р?

Аня.

А затем раздалось слово, прекраснее которого Дэниел ещё не слышал.

- Продано.

Он сбежал со сцены и увидел, что Аня ждёт его под апельсиновым деревом.

- Аня? Зачем ты...

Она подняла руку.

- Моя очередь говорить. Той ночью ты сделал мне больно. Такой боли мне не причинял ни один человек.

Дэниел хотел оправдаться, но она зажала ему рот.

- Моя очередь.

Дэниел кивнул.

- Но теперь я знаю, что слишком бурно отреагировала. Со мной такое бывает. Говоришь, ты хочешь позаботиться обо мне и даже моих братьях и сестрах... - она покачала головой, в уголках её прекрасных глаз цвета янтаря блеснули слёзы. - По-моему, ты fou... сумасшедший. Но я ничем не лучше, потому что я хочу всего этого и хочу этого с тобой. Я хочу... - замолкнув, она сделала глубокий вдох. Затем моргнула и по её щекам покатились слёзы. - Я хочу быть твоей. Хочу принадлежать вам... сэр.

Прошло несколько секунд, прежде чем разум Дэниела осмыслил то, что уже подсказало сердце, и ещё секунда или две, прежде чем мысли превратились в слова.

- Аня, я должен тебе кое-что сказать. И скажу с ошибками, так что прости.

Она улыбнулась и кивнула.

Дэниел сделал глубокий вдох.

- Je t'aime. Je veux passer ma vie avec toi. Et je suis désolé que mon accent est terrible. Я тебя люблю. Я хочу провести с тобой жизнь. Знаю, у меня ужасный акцент.

Аня рассмеялась сквозь слёзы.

- Да, акцент у тебя ужасный.

Дэниел кашлянул.

- У вас ужасный акцент... сэр.

- Гораздо лучше. Итак... ты меня купила. Какие-нибудь приказы?

Он погладил Аню по щеке, и она улыбнулась ему в руку.

- Oui. Только один. Займись со мной любовью.

Ещё никогда в жизни Дэниел не испытывал такой радости от приказа, но тут Доминантом был он, даже если и сейчас, и вовеки принадлежал Ане.

- Что-что? - он многозначительно прочистил горло.

- Пожалуйста, займитесь со мной любовью... сэр. - Аня улыбнулась сквозь слёзы.

- Так-то лучше. И да, сейчас займусь.

Он схватил её за запястье и потянул её из сада на крыше. Нужна была комната, любая комната. Любая комната с кроватью. Чёрт с ней, с кроватью, подошёл бы и ковёр, и стол, и стена.

Он чувствовал, как дико стучит пульс Ани под ладонью, пока тащил её по коридору. За многими закрытыми дверьми то и дело доносились звуки агонии и экстаза, когда порознь, а когда вместе.

Похоже, лишь за дверью в конце коридора пока не было оргии. Дэниел вошёл и увидел красивую блондинку, развалившуюся на кровати в одной из рубашек Кингсли

- Вон!

- Но как же так... - запротестовала девушка.

- Вон! Немедленно!

Девушка скатилась с кровати, собрала одежду и удалилась, метнув на них с Аней полный ненависти взгляд.

Дэниел запер за ней дверь, и с точно отмеренной силой толкнул Аню к стене.

- Из этой комнаты девственницей ты не уйдёшь, - предупредил Дэниел, перед тем как припасть губами к нежному месту у неё под ушком.

- Комната Monsieur-a? - Аня повисла у него на шее, и он, приподняв ей платье, засинул её ногу себе на пояс и сжал бедро. - А он не будет возражать?

- Будет, и ещё как, тем более что я вышвырнул его пассию. Но пусть поцелует меня в задницу. Только не передавай ему эти слова, а то ещё поймёт буквально.

Аня начала смеяться, но Дэниле зажал ей рот таким голодным поцелуем, что даже сам этого удивился. В браке с Мэгги они, словно играли две приятные роли: он - Доминант, она - сабмисив, и в их игре выигрывал каждый. Однако с Аней такое чувство, будто она и впрямь принадлежит ему, рождена для него, чтобы он её защищал и обладал ею.

Припав к Аниным губам, Дэниел прижался бёдрами к ней, и она вознаградила его, подавшись навстречу. Он хотел как можно лучше её подготовить, чтобы не причинить ей ненужной боли.

Дэниел отодвинул Аню от стены и стянул платье с её плеч. Спуская его, он зацепил большими пальцами её белые трусики и стащил по ногам на пол. Теперь Аня стояла перед ним совершенно голой, если не считать туфель и нимба волос.

- Отличные туфли, - пытаясь выровнять дыхание, одобрил Дэниел. Ему нужно было сделать так, чтобы она сходила с ума от возбуждения, а он оставался спокойным, насколько это в человеческих силах.

- Ага, с ремешком на подъёме, как сандалии у маленькой девочки. Стиль Мэри Джейн. Очень удобные.

- Уверен, моей спине под ними тоже будет очень удобно.

Тут, оправдывая его ожидания, Аня залилась румянцем. Дэниел подхватил её на руки и отнёс на огромную кровать Кингсли. Может, у хозяина в ней уже и побывала какая-нибудь девственница, с Кингсли станется, но такая красавица точно ещё не

оказывала своим присутствием честь здешним простыням. И эта красавица Дэниела, целиком Дэниела.

Аня устроилась среди простыней на красной огромной кровати Кингсли. Об этом огромном траходроме ходила весьма дурная слава. Сделанный по заказу владельца, он был даже больше королевского размера.

«Не кинг-сайз, а Кингсли-сайз», - многозначительно подмигивая, любил пошутить Кингсли.

Дэниел скинул пиджак на спинку стула, и Аня села, начав расстёгивать пуговицы на его жилете.

- Позвольте мне. Прошу вас, сэр.

Дэниел, улыбнувшись, опустил руки.

Дрожащими пальцами Аня расстегнула пуговицы и скинула жилет с его плеч на пол.

- Что, на пол? - удивлённо выгнулся бровь Дэниел. - Ты же знаешь, это мой любимый костюм. Зачем бросать его на пол?

- Когда я шила ваш костюм, сэр, - прошептала она, принимаясь за пуговицы рубашки, - волей-неволей представляла его на полу. Я хотела вас ненавидеть. Я вас действительно ненавидела. Однако ненавидела только потому, что любила.

- Ну, раз ты меня поэтому ненавидела, тогда можешь ненавидеть до конца жизни.

Дэниел погладил Аню по спине. Расстегнув ей рубашку, она вытащила её из брюк, но на этом не остановилась и, расстегнув ширинку, скользнула руками внутрь и обхватила его ладонью.

- Плохая идея, - прошептал он ей на ухо.

Аня начала отстраняться, но Дэниел схватил её за руки.

- Лишь потому, что это плохая идея, не значит, что тебе позволено останавливаться.

Тихо рассмеявшись, она положила голову ему на грудь и Дэниел, обвив Аню рукой, не стал мешать исследовать себя пальчиками.

- Ты на противозачаточных? - прошептал он, поглаживая ей спину от затылка до копчика. - Или мне нужно...

- Не стоит, - ответила она, посмотрев ему в лицо. - Я принимала их три месяца, сэр, и ничего не хочу между нами.

- Я тоже. И не захочу никогда.

Очевидно не найдя слов, Аня кивнула. Она снова посмотрела вниз, наблюдая, как её руки прикасаются к нему. Сначала её пальцы двигались неуверенно, но с каждым движением и следующим за ним неровным вздохом Дэниела становились всё более дерзкими. Она что-то бормотала себе под нос.

- Погромче, юная леди, и на английском, - приказал Дэниел.

Она подняла к нему пылающее лицо.

- Я сказала, что не могу представить, как мы всё это во мне поместим...

Дэниел приподнял её подбородок и поцеловал в губы.

- Со всей осторожностью. Ложись.

Послушно перекатившись на спину, Аня с тревогой вцепилась в простыни под своим бледным дрожащим телом. Дэниел решил воспользоваться одним из уроков соблазнения от Элеонор, и, подняв Ане ногу, прямо над ремешком её белых туфель припал губами к чувствительной коже лодыжки.

С мучительной неспешностью он поднялся поцелуями по внутренней поверхности ноги, задержался у колена, затем ещё больше - на нежной внутренней коже бедра. Когда его губы поднялись выше, всё тело Ани напряглось. Нежно куснув

её в бедро и мягкую кожу внизу живота, он опустил голову ниже, раздвинул ей ноги и начал легоночко посасывать клитор.

- Сэр, – она чуть не задохнулась от потрясения и хотела было удрать, но он стальной хваткой вцепился ей в бёдра и удержал на месте.

Превозмогая сопротивление, он локтями раздвинул ей ноги ещё шире. Теперь он вспомнил, почему в своё время избегал девственниц - их волнение, застенчивость, страх неизвестного способны испортить всё удовольствие момента. Однако с Аней, он чувствовал себя так, словно ему выпала честь стать её первым любовником, научить, вышколить. Как только она научиться отдавать ему своё тело, он покажет ей другие способы покорно принимать её господина: принимать боль, более тёмные удовольствия плоти, каждое восхитительно-составляющее ощущение, которые он сумеет для неё придумать.

- Прекрати мне сопротивляться, – приказал он и вонзился пальцами в её нежную кожу достаточно сильно, чтобы завтра на ней появились следы. Отлично. Чем скорее она поймёт, чем ей грозят попытки, не допустить его к своему телу, тем лучше. - Расслабься.

Издав горловой всхлип, Аня развела ноги.

- Так-то лучше. А теперь будь пинькой. Возможно, тебе даже понравится.

Дэниел снова припал к клитору Ани и нежно пососал. Продолжая ласкать её ртом, он ввёл внутрь два пальца и начал медленно двигать.

Как и раньше, она напряглась, но сомкнуть ноги больше не пыталась. А она поддаётся обучению! Он медленно протолкнулся глубже и едва не застонал, почувствовав, как пальцы обволакивает её влажное тепло.

Пытаясь расширить для себя её узкий проход, он осторожно раздвинул пальцы. Вкус её был таким прекрасным, пикантным и женственным, что почти забывалось: оральные ласки не единственное, для чего они захватили комнату Кингсли. Сквозь пелену собственного желания, Дэниел услышал довольные стоны Ани. Ей начинало это нравиться. Она похныкивала и учащённо дышала, и даже раз подалась бёдрами навстречу.

Дэниел воспринял эти звуки и влажный жар у неё внутри как сигнал о готовности и накрыл её своим телом. Голую спину тут же обвили ноги Ани. Каблуки её туфель врезались в кожу, и, наслаждаясь этой слабой болью, он резко втянул воздух.

Обхватил рукой её тонкие запястья, он завёл их ей за голову. Глаза Ани вновь затуманивали покорная нега. Она выглядела довольной, умиротворённой, томной от страсти. Такой она и нужна, когда он в неё войдёт. В голове мелькало столько всего, что хотелось сказать в этот момент. Однако ради её же блага, Дэниел решил оставить эти мысли при себе, и, дав Ане просто расслабленно парить вне времени и пространства, раздвинул пальцами её лепестки и толкнулся внутрь.

Полуприкрытые веки Ани широко распахнулись, с губ сорвался крик неподдельной боли. С разочарованным вздохом Дэниел вышел.

- Non, Господин, пожалуйста. - Аня села и обняла колени, словно испуганный ребёнок. - Простите меня. Не останавливайтесь.

- Ты не виновата, что тебе больно. И меня сейчас не остановит даже пистолет у виска. Перейдём лучше к плану «Б».

Дэниел встал на колени и вытащил из-под кровати Кингсли серебристый чемодан. Другие чемоданы манили больше, но сегодня была не та ночь, чтобы знакомить Аню с флоггером. Сегодня инструментом причинения боли станет его собственное тело. Он откинул крышку и обнаружил ровно то, что и ожидал. Аня как-то призналась, что хочет во времяекса быть связанной и беспомощной, но под весом его тела у неё и так нет шансов воспрепятствовать болезненному вторжению.

Дэниел встал, и глаза Ани округлились при виде наручников. Он надменно вскинул голову, посмотрел на неё сверху вниз, повращал серебристыми наручниками - от этого маленького трюка у Мэгги всегда учащался пульс. Вроде бы на Анию он возымел похожий эффект.

- К изголовью, живо, - приказал он, и Аня подползла к изголовью. Такое тело... и на четвереньках. Скоро он покажет этой красотке, как надо ползать перед хозяином.

Дэниел скинул остатки одежды, подполз к Ане, и сев спиной к изголовью, за талию забросил её к себе на колени.

Она рассмеялась.

- Давай сюда правую руку.

Аня протянула ему ладонь. Он поцеловал пульс на запястье и защёлкнул первый наручник, а затем, не давая времени возмутиться, перекинул цепь через металлический стержень изголовья и защёлкнул второй наручник. Теперь Аня сидела у него на коленях прикованной к кровати. Конечно, из-за её рук он и сам в плена, но в такой сладостной тюрьме можно провести хоть всю жизнь.

- Как красиво... ты самая красивая девушка в мире, - прошептал он, обводя контур её тела. Аня, застонав, откинула голову назад, а Дэниел, приподняв её за талию, поймал губами соски и нежно пососал, после чего снова протолкнул в неё два пальца и широко раздвинул, второй рукой направляя член в её влажное лено.

- Мне так стыдно, - выгнув спину, прошептала она и потёрлась сосками о его грудь.

- Почему?

- Я влюбилась в... в... канадца.

- Подумаешь, бывает и хуже, - улыбнулся он целую её над сердце. - Я мог бы оказаться наполовину американцем, наполовину французом.

Аня поёжилась.

- Пожалуйста, Господин, даже не шутите об этом.

Дэниел рассмеялся, но его смех угас, когда Аня начала опускаться. Их взгляды встретились, и он ничего не сказал, ничего не сделал, просто дал ей возможность за счёт храбрости и веса тела сесть на него.

- Не спеши. Двигайся, как тебе удобно. Не забывай дышать.

Кивнув, она закрыла глаза и короткими вздохами задышала через нос. Вобрав его в себя на дюйм, затаила дыхание, опустилась ещё на дюйм и вздохнула.

- Простите, - снова сказала она. - Так боль намного слабее, но...

Дэниел обхватил её лицо и поцеловал её в губы.

- Аня, у тебя всё прекрасно получается.

- Я... я хочу вас всего. П-пожалуйста, Господин, помогите.

Дэниел сокользнул руками по её телу. Ускориться, что ли? Крепко схватив её за бёдра, он снова поймал на себе испуганный взгляд её янтарных глаз.

- Je t'aime, - прошептал он.

- И я вас люблю, - ответила Аня.

Дэниел резко толкнул её на себя и вошёл.

Аня вскрикнула и зарылась лицом ему в изгиб шеи. Дэниел, обняв, привлёк её к себе, и мучительную минуту ничего не делал, позволяя ей хныкать, вырываться и плакать. Быть так глубоко у неё внутри и не сметь шелохнуться, почти убивало. Но её боль заглушала желание, и он смог прошептать слова любви и утешения.

Опустив руку между их тел, Дэниел поласкал Ане клитор. Сначала она вздрогнула, явно от боли, но затем он ослабил прикосновение и начал ласкать её ещё более нежно, и когда она застонала, её стоны были стонами удовольствия.

- Попробуй подвигаться, - предложил он, усиливая нажим.

Аня послушно покачала бёдрами. Дэниелу пришлось сдержать стон удовольствия, он не хотел, чтобы она причиняла себе боль, пытаясь сделать ему приятно.

- Ну как, лучше? - спросил он, когда размах её колебаний стал шире и тело внешне расслабилось.

- Такое чувство... - она замолкла, подыскивая мысли, - такое чувство, будто ты мне принадлежишь.

У Дэниела ёкнуло сердце.

- Это потому, что так оно и есть.

Его пальцы ускорились, в такт вращению её бёдер описывая вокруг клитора маленькие круги. Он повернул голову и, осипав поцелуями обвитые вокруг себя руки Ани, куснул её в нежную кожу с внутренней стороны локтя. Не смог отказаться от искушения оставить синяк на её предплечье. Как-нибудь на днях он исполосует её тело отметинами.

Аня часто задышала и дёрнулась, и Дэниел почувствовал, как вокруг него сокращаются её внутренние мышцы. Он продолжал обводить её клитор, сдерживая собственные желания, а Аня продолжала двигать бёдрами, вбирая его всё глубже и глубже с каждым толчком.

- Без моего разрешения, не кончай, - предупредил Дэниел, начиная её тренировать достигать разрядки только, когда он разрешит. Он подождёт недельку, а там и до более грубых игрушек черёд дойдёт. Но дисциплине её нужно учить уже сегодня.

Дэниел пробежался левой рукой по телу Ани, правой продолжая её дразнить. Когда его ладонь коснулась шеи, Аня резко втянула воздух. Он слегка сжал ей горло. Похоже, именно этого она и хотела. Не прекращая двигать бёдрами, Аня рванулась и натянула цепь наручников. Когда из её горла вырвался низкий стон, последние остатки сдержанности Дэниела разлетелись вдребезги. Он обеими руками сокрушающей силой сжал её нежные ягодицы, грубым толчком подался навстречу и кончил у неё внутри.

Задыхаясь и посмеиваясь над собственной потерей контроля, они кончили в один и тот же миг.

Дэниел покрывал поцелуями губы, лоб, щёки и шею Ани.

- Хорошая девочка, - прошептал он. - Ну что, понравилось?

Она кивнула.

- Повторим?

- Мне тридцать восемь, - Дэниел отвёл волосы с её лба. - Дай минутку, а то и десять. Надеюсь, я отработал те два с половиной миллиона, что ты за меня заплатила.

Аня залилась румянцем и, хихикнув, положила подбородок ему на плечо.

- Спроси меня через десять минут.

Дэниел сильно шлёпнул Аню по ягодицам.

- Уважайте старших, юная леди.

Она взвигнула от боли, а потом расхохоталась и рухнула ему на грудь.

- Господин, вы стоите каждого цента ваших денег.

- Так-то лучше.

Дэниел погладил расслабленно прильнувшую Аню по спине. Её руки до сих пор были прикованы к изголовью, и он решил ещё чуть-чуть оставить её в таком положении.

- Я хочу, чтобы ты носила мой ошейник, чтобы все знали - ты моя, - прошептал он ей в волосы.

- И я хочу того же, Господин.

Дэниел почувствовал на плече что-то влажное.

Слёзы. Аня плакала.

- Отлично.

- Но у меня есть одно условие, - она, отстранившись, посмотрела ему в лицо.

- Что ещё за условие? - Дэниел приподнял ей подбородок и строго заглянул в глаза.

Аня ответила собственным строгим взглядом, который суворостью не уступал небезызвестному «ой» Дэниела.

- Мы спалим твои дизайнерские джинсы.

ДВА ЧАСА СПУСТЯ

Элеонор начала подниматься по запасной лестнице, направляясь в гостевую спальню, где ей предстояло ночевать. Наверное, сегодня к ним присоединится Кингсли, поскольку его апартаменты реквизировали для собственных нужд Дэниела с Аней. Что ж, молодцы. Кингу только на пользу пинки под зад время от времени. Вне спальни она и Кингсли дерутся, словно брат и сестра, и это приводит к весьма жарким схваткам внутри неё, ещё более пылким от того, что кое-кому нравится делить свою женщину с лучшим другом.

Впрочем, она не возражает. Нисколечко.

На первой лестничной площадке Элеонор услышала рыдания и остановилась. Внизу, на первом этаже, Тесса вытирала слёзы, показывая кучке других сабмиссивов чёрный синяк на бедре.

- Возьми себя в руки, Тесса! - прикрикнула на неё Элеонор. - Подумаешь, синяк. Распустила нюни, как последняя трусиха!

Тесса застыла с открытым ртом, подыскивая ответ, но так его и не нашла. Ну и дела! Обычно она в состоянии дать отпор, в отличие от остальных сабмиссивов из окружения Кингсли. Столь несвойственное молчание может означать лишь одно.

- Элеонор?

Элеонор напряглась, почувствовав спиной неодобрительный взгляд высокого блондина.

- Да, мой Господин?

- Тебя, что, Кингсли вежливо не просил прекратить обижать других сабмиссивов?

Ещё одна саба подняла блузку, показывая сочувствующей компании с первого этажа полосы от кнута на пояснице.

- Хотела бы, да ничего не могу с собой поделать. Они такие выпендрёжницы, такие жадные до внимания шлюхи! - конец фразы она прокричала вниз, адресовав группе самых испорченных сабмиссивов Нью-Йорка. Почти все они её ненавидели. Ну и хрен с этими сучками! Кучка тупых зануд. Высечь бы их всех до полусмерти, может, хоть тогда перестали бы себя вести, как грёбаные плаксы. - Не можете терпеть побои, пошли вон из Преисподни!

- Элеонор!

- Да, Господин? - она обернулась на голос.

- Не вслух, ладно? - Хозяин Элеонор прижал ей палец к губам

- Да, Господин, - покорно вздохнула она.

Сабмиссивы разошлись, и Элеонор услышала знакомый смех. Точнее, два знакомых смеха. Дэниел с Аней рука об руку шли к выходу из особняка. Аня ступала довольно-таки осторожно. Элеонор могла им только улыбнуться.

- Жалеешь, малышка? – спросил он, и Элеонор прислонилась к нему.

- О Дэниеле? Нет, нисколько. Конечно, я его люблю, но это не та любовь. Я знаю, кому принадлежу и чего хочу. К тому же они с Аней отлично друг другу подходят. Да и ценности у них одинаковые: брак, дети. Вся эта чепуха. То есть... скучота.

Два года назад, после совместно прожитой недели, покидать Дэниела было трудно. Но как только Элеонор вернулась к своей жизни и в Его руки, стало ясно, что её привлек не столько сам Дэниел, сколько то, насколько полно он ей отдавался. Она не сказала своему Господину, как ей больно от того, что они могут проводить вместе всего одну-две ночи в неделю, но он и так понял. Увидел эту боль по её лицу и после той недели с Дэниелом сделал всё возможное, чтобы уделять ей больше внимания. Жертвовал сном, рисковал саном... и всё это ради неё.

- Они и впрямь, похоже, друг другу подходят. Собираются пожениться через полгода. Наверняка он заберёт к себе её братьев с сёстрами.

Представив, как Дэниел пытается укротить пятерых канадских детишек днём и вздорную жену франко-канадских кровей по ночам, Элеонор покачала головой.

- Знаешь, а у них будет людно, прям как на большом музыкальном фестивале, - улыбнулась она, поворачиваясь лицом к своему господину. - Мог бы и предупредить, что собираешься побороться за Аню.

- И тем самым испортить сюрприз? Малышка, видела бы ты своё лицо в тот момент. Это было воистину бесценно.

- Ага, а если бы я после ваших слов, Господин, начала кататься от смеха, провалилась бы вся затея.

Когда её господин - человек со славой худшего садиста Преисподней, решил поторговаться за Аню, Элеонор чуть не умерла, пытаясь не прыснуть со смеху. Пришлось зажать рот, чтобы не рассмеяться. С восемнадцати до двадцати лет она два года просидела у ног своего господина, учась подчиняться его желаниям, и за всё это время у них ни разу не былоекса. Их первая ночь - ночь, когда в двадцать Элеонор отдала своему возлюбленному девственность, стала для него первой ночью с женщиной за пятнадцать лет. Только с ней одной он нарушает обет безбрачия. «Ну, если не считать той единственной ночи с Кингсли», - с улыбкой подумала она. А в торгах он участвовал только для того, чтобы помочь Дэниелу произвести хорошее впечатление на любимую женщину. Впрочем, Дэниел и Аня об этом никогда не узнают.

В последнее время Он кажется ей кем-то вроде тёмного ангела - ужасный, как ангелы в Библии, и всё же сила добра. Но если он был ангелом, кем тогда был Кингсли?

- Mon Dieu... (фр. мой бог)

Элеонор улыбнулась при виде Кингсли. Он величаво спускался по лестнице как всегда блестательный в своём плаще, фраке и высоких сапогах.

- Что за вечер. Сейфы фонда снова полны, я заработал денег больше, чем заслуживаю.

- Как и в любой другой вечер, - улыбнулась Элеонор, заметив, как Дэниел с Аней целуются в дверях.

Кингсли вздохнул с притворным французским жеманством.

- Ну что? - спросила Элеонор. - Клёво же. Они клёво смотрятся вместе.

- Не клёво, а скучно, - поправил Кингсли. - Этот человек уводит у меня всех лучших саб и делает из них жён. На порог его больше не пущу.

- А по-моему, это чудесно. Он заслуживает немного счастья.

Кингсли прикоснулся к щеке Элеонор и пальцем прошёлся вдоль контура её губ. Она, вдохнув, закрыла глаза.

- Это я заслуживаю немного счастья. Идём, та petite, сегодня ты можешь сделать меня очень счастливым.

- Поговори сам знаешь с кем. - Она метнула взгляд на своего Господина - на стену за своей спиной.

- Ma cherie, - вздохнул он. - Мы уже поговорили.

Ну вот, прощай надежда поспать. На лестничную площадку долетел влюблённый смех Ани, а затем они с Дэниелом исчезли.

На мгновение все трое замолкли. Эленор краем глаза изучала Кингсли. Они такие разные, но соперничать с ним в мужской красоте может лишь человек, которого она называет своим господином. Чёрные глаза Кинга противоположность серым у её повелителя, тёмный загар - бледности кожи, темная буйная грива - светлым безупречно послушным волосам. И всё же эти двое отличная команда... в особенности наедине с ней. Тёмный ангел маячит за левым плечом, самый обаятельный демон ада посмеивается за правым.

Ангел? Демон?

Элеонор закатила глаза. Пожалуй, Дэниел был прав, и ей действительно стоило стать писательницей. Пора что-то делать со всеми этими ненормальными мыслями. Если бы она и впрямь писала, это были бы выдумки. Расскажи она правду, никто не поверит.

С первого этажа снова донесся смех - Ирина, прекрасная Госпожа из России, за ошейник тянула симпатичного юношу. Ворча, она швырнула его в стену и запустила руку ему в штаны. Затем прошептала молодому человеку на ухо какой-то развратный приказ, и он закрыл глаза.

- Дэниел... - начала было Элеонор.

- Да, малышка?

Она сглотнула.

- Дэниел сказал мне донельзя сумасшедшую штуку. Он сказал, что из меня получится отличная Госпожа. Безумно, да?

Сердце громче застучало в груди, когда Ирина впилась в губы сабмиссива. Отстранившись, она щёлкнула пальцами, и юноша опустился на пол. Ирина сделала шаг назад. Юноша пополз к ней.

- Элеонор, мы об этом уже говорили. Ты что, забыла?

Она со вздохом кивнула и в очередной раз постаралась отогнать предательские желания, которые порой накатывали, словно из неоткуда, и завладевали всем её существом.

- Да нет, Господин. «Даже не думай, малышка», - процитировала она.

- Вот и хорошо. А теперь пошли в кровать.

Он поцеловал её в макушку и двинулся к спальне. Кингсли властно провёл ей под склоной и последовал за её владельцем.

Этажом ниже в холле Ирина поманила юношу-сабмиссива согнутым пальцем, и тот на четвереньках последовал за ней.

- О, Блонди, - промурлыкала те самые слова Элеонор, веки которой прикрылись от желания при виде того, как юноша пресмыкается перед Ириной. - Как же не думать, если мысли сами в голову лезут.

Сердце Элеонор буквально остановилось, когда она поняла, что произнесла опасные слова вслух.

Повернувшись, она увидела, что её хозяин, как ни в чём не бывало поднимается по лестнице.

Она облегчённо вздохнула. Слава Богу, её тёмный ангел их не услышал.

Дэниел. Часть II. Тиффани Райз.

Но по коридору эхом разнесся мерзкий французский смех, и она точно знала, что этот смех означает.

Демон ада услышал.
Конец... или нет?